БЕСѢДЫ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ИЗЪ

ТОРГОВАГО И СЧЕТОВОДНАГО МІРА

изданія и редакціи

ѲЕДОРА ЕЗЕРСКАГО.

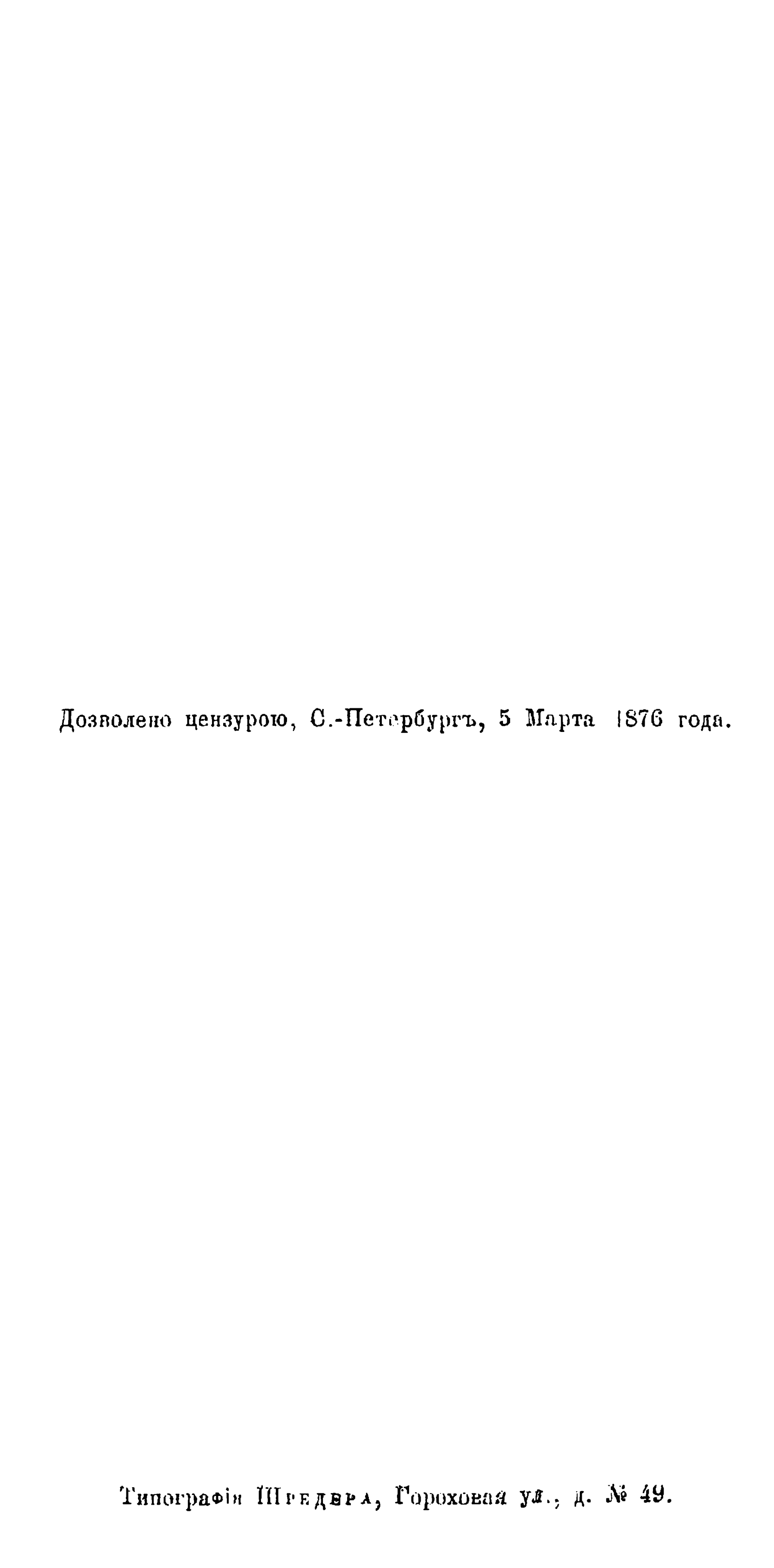
Выпускъ вторый.

Главный складъ всѣхъ сочиненій Ѳ. Езерскаго:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Литейный проспектъ, домъ № 33.
Фирма Счетоводъ.

LEIPZIG.
In Commission bei
F. A Brockhaus.

1876.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 5 Марта 1876 года.

Типографія Шредера, Гороховая ул., д. № 49.

Жертва неправильнаго счетоводства.

(Разсказъ частнаго слѣдователя).

(*Окончаніе*).

IV.

Мое рѣшеніе, высказанное въ предъидущей главѣ, можетъ показаться многимъ невѣроятнымъ при тогдашнихъ моихъ обстоятельствахъ. Чтобы повѣрить мнѣ, нужно знать складъ моего ума и характера. Я принадлежу къ категоріи странныхъ людей. Боже сохрани меня отъ такой должности, но по характеру моему изъ меня могъ-бы выйдти геніальнѣйшій сыщикъ. Въ моемъ характерѣ, кромѣ природнаго анализа, есть что-то подозрительное, недовѣрчивое, къ сообщаемымъ мнѣ фактамъ, соединенное съ пытливою страстью доискаться истины: ошибаюсь я, или нѣтъ?... Если при мнѣ говорятъ даже о моемъ другѣ, что онъ безусловно добрый человѣкъ, голова моя работаетъ найти въ немъ дурныя черты, и на оборотъ: при брани врага—я ищу силлогизмовъ оправдать его.

Заинтересовавшись бѣдуновскимъ дѣломъ, я составилъ себѣ по необходимости планъ, несмотря на пламенное желаніе начать свои поиски съ слѣдующаго дня, сначала обезпечить себя, и для этого я засѣлъ за разную работу. Я спалъ въ сутки часа три-четыре не болѣе и безъ устали строчилъ повѣсти, разсказы, біографіи, лишь-бы заручиться

деньгами и предаться интересному дѣлу. Работа моя была спѣшная и я, какъ водится, получилъ самый grand mi-sere'ый гонораръ; но все же онъ помогъ мнѣ уплатить часть долга своему товарищу и перебраться на квартиру.

V.

Само собою разумѣется, ближе всего къ цѣли, мнѣ было-бы ознакомиться съ торговыми книгами Бѣдунова, узнать его семейный бытъ и нѣкоторыя предшествовавшія обстоятельства при бѣгствѣ. Но, въ торговыхъ книгахъ я ничего не понималъ, съ семействомъ Бѣдунова, при настоящемъ положеніи дѣлъ, познакомиться было трудно, а черезъ это и развѣдать о томъ, въ какомъ финансовомъ и моральномъ положеніи находился Бѣдуновъ наканунѣ своего поступка? Ломая голову поэтому случаю, я неожиданно вспомнилъ, что однажды, годъ или два тому назадъ, въ одномъ кафе-ресторанѣ близъ Казанскаго собора, я познакомился съ двумя молодыми людьми—купчиками, которые оказались прикащиками изъ книжнаго магазина Бѣдунова. Они первые замѣтивъ меня, подошли ко мнѣ, заговорили и отрекомендовались; послѣ чего мы провели почти весь вечеръ вмѣстѣ и, при прощаніи, прикащики просили меня о продолженіи моего знакомства, говоря, что ихъ каждый вечеръ постоянно можно встрѣтить, послѣ запора магазина, въ этомъ самомъ кафе-ресторанѣ. Я далъ слово бывать, видѣться, но не могъ сдержать своего слова, сначала вслѣдствіе занятій и отдаленности мѣстожительства, а далѣе совершенно забылъ о своемъ обѣщаніи, точно такъ же, какъ позабылъ фамиліи обоихъ прикащиковъ. Слѣдовательно, розыскать ихъ въ адресномъ столѣ было нельзя. Однакоже, я надѣялся возобновить знакомство, разспросивъ о ихъ фамиліяхъ содержателя и прислугу кафе-ресторана; кромѣ того, я зналъ купеческую

привычку «насиживать мѣсто», то есть, бывать въ извѣстные часы постоянно въ одномъ и томъ же трактирѣ для чая или пивопитія. Трактиръ замѣняетъ имъ клубъ и они ходятъ такимъ образомъ по нѣсколько лѣтъ сряду. Ожиданія меня не обманули. Вошедши вечеромъ въ обычное время, когда всѣ книжные магазины запирались, въ кафе-ресторанъ у Казанскаго собора, я увидѣлъ, въ числѣ прочихъ посѣтителей, двухъ своихъ знакомыхъ прикащиковъ за чаемъ. Физіономіи ихъ я помнилъ: одинъ изъ нихъ русявый, приземистый, съ курчавою головою, въ сѣрой трековой парѣ и съ неизбѣжною цѣпью на жилетѣ; другой, высокій, худощавый брюнетъ, тоже съ курчавою головою и съ цѣпью на жилетѣ, но въ черной парѣ.

Прикащики встрѣтили меня очень любезно, пригласили садиться за одинъ столъ, подставили стулъ и приказали подать третій приборъ, да подсыпать «маненько» чайку, съ прибавкою порціи сахара.

Они очень удивлялись, что такъ долго не встрѣчались со мною въ Петербургѣ. Я разсказалъ имъ, что былъ въ провинціи на службѣ, и замѣтилъ, что и меня нѣсколько удивляетъ, что они не знаютъ этого, такъ какъ я писалъ на книжный магазинъ къ Александру Ѳедоровичу и получалъ на бланкахъ изъ магазина отвѣты.

Это ничего не значитъ, отвѣчалъ приземистый, по фамиліи, оказавшійся Будаковъ.

— Потому,—объяснилъ за него худощавый, носившій фамилію Березкинъ,—что у насъ каждый занимается своимъ дѣломъ особо. Корреспонденцію ведетъ Ѳедоръ Дмитричъ, такъ онъ навѣрное знаетъ.

— Скажите, пожалуйста, прямо спросилъ я Березкина, что это такое случилось съ вашимъ хозяиномъ? .. Я когда пріѣхалъ и узналъ, вѣрить не хотѣлъ даже....

— Да, по истинѣ, оказія, можно сказать самый пассажъ.

— Но, все таки, какъ это произошло? допрашивалъ

я, придвигая къ прикащикамъ стулъ ближе, чтобы нашего разговора не слышали посторонніе.

— Такъ-съ, какъ обыкновенно водится, — отвѣчалъ Будаковъ, вздвигивая плечами и нѣсколько разставляя въ сторону ладони рукъ, — пришлось, значитъ, платить по векселямъ, сдавать деньги въ редакціи съ подписчиковъ, въ магазины и другимъ лицамъ, ну, и пришлось круто...

— Но, и вѣдь вы же сами имѣли въ это время огромную получку, хоть, напримѣръ, съ тѣхъ же самыхъ подписчиковъ? замѣтилъ я.

— Это точно, такъ-съ... А хватилися, въ кассѣ маловато,—скорчивъ гримассу, проговорилъ Березкинъ.

— Почему же?... обворована, что-ли касса была?

— Помилуйте, какъ-съ можно,—возразили съ жаромъ прикащики,— никто объ этомъ и не говоритъ. Кассой завѣдываютъ Прасковья Өедоровна, женщина, можно сказать, примѣрной честности и аккуратности. А окромѣ ихъ и Александра Өедоровича другіе даже и не дотрогивались, такъ сказать, до кассы.

— Значитъ, домашніе расходы превышали доходы съ книжной торговли магазина?

— Нѣтъ-съ, и этого нельзя сказать-съ.... Александра Өедоровича корить грѣхъ. Даже умѣренно жили.... Въ карты онъ не играетъ, виномъ—не занимается... Принцессы тоже никакой нѣтъ....

— Что же, рискованные обороты и аферы сгубили его?...

— И этого не было,—отвѣчалъ Будаковъ,—мы торговлю вели, какъ и прочіе книгопродавцы, да еще и почище другихъ....

— О торговлѣ вообще я не говорю,—возразилъ я, и полагаю, что такая старая фирма, какъ Бѣдунова, должна имѣть массу иногороднихъ и городскихъ подписчиковъ. Но нѣкоторыя ваши изданія были пренелѣпы и очевидно убыточные. Главной причиной къ этому было тупоуміе Бѣдунова и желаніе показать себя передъ редакторами

толстыхъ журналовъ за знатока и такого издателя, который всякую дрянь не издаетъ. А между тѣмъ, онъ именно съ этой-то стороны и рекомендуетъ себя. Стоитъ только помѣстить какому нибудь совершенно неизвѣстному и въ публикѣ и въ литературѣ N или M, повѣступшку или разсказъ въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ и явиться къ Бѣдунову съ предложеніемъ изданія, — Бѣдуновъ всегда согласится на изданіе, тогда какъ и сама редакція признаетъ, что произведеніе этого N или M слабо, невыдержано и въ другой разъ отъ такого писателя она не приметъ ни единой статейки, и публика отнеслась къ нему не только равнодушно, но даже не имѣла терпѣнія прочесть его до конца. Такое изданіе, само собою разумѣется, терпитъ fiasco и надъ Бѣдуновымъ изъ-подтишка смѣются.

— Положимъ, это правда, прервалъ меня Будаковъ, но эфтакія изданія не составляютъ еще суть важное.... Авторамъ платятся деньги не большія, печатаются книги изподволь, по дешевой цѣнѣ, и за бумагу и за типографію, къ тому же эти книги пошли на обмѣнъ, и на нихъ убытка не было.

— Ну, наконецъ,—сказалъ я, выведенный изъ терпѣнія, если не то, не другое, ни третіе не могло разстроить его дѣлъ, то объясните мнѣ, что же именно?...

— Богъ вѣсть, — отвѣчали прикащики со вздохомъ.

— Однако, вы же все таки знали въ магазинѣ о готовящейся катастрофѣ?

— Ни—Боже мой, отрицательно качая головою, возразилъ Березкинъ.

— Я уже докладывалъ вамъ, прибавилъ Будаковъ, у насъ такіе порядки, что каждый занятъ своимъ дѣломъ: онъ, напримѣръ,—Будаковъ указалъ на Березкина,—записываетъ на приходъ поступающіе отъ издателей и книгопродавцевъ книги; я—оныя разсылаю и веду счета....

— Куда разсылаете?...

— Разно, и здѣсь и въ Харьковъ, Казань, Кіевъ....

Въ Кіевъ?... Не къ Д—скому-ли? спросилъ я, озаренный внезапною мыслію: не могу-ли я получить деньги по векселю Бѣдунова съ кіевскаго книгопродавца Д—скаго, съ которымъ я хорошо знакомъ. Въ Петербургѣ же мои попытки продать, даже за безцѣнокъ, вексель Бѣдунова не удались.

— Такъ точно,— отвѣчалъ Будаковъ.

— Не долженъ-ли Д—скій Александру Ѳеодоровичу?

— Долженъ.

— Сколько же?

— Этого я не могу сказать....

— Я у васъ спрашиваю не точную цифру суммы долга, такъ какъ у васъ подъ рукою нѣтъ книгъ, а приблизительную...

— Я понимаю,--подтвердилъ Будаковъ, по книгамъ сразу нельзя сказать, сколько именно состоитъ за Д—скимъ долга.... Значитъ и онъ намъ высылаетъ и мы ему....

— Но, вѣдь вы же писали и посылали ему счетъ?

— Я.

— Какже вы умудрялись составить его, не зная въ кредитъ-ли идетъ посылаемый матеріалъ, или въ очистку собственнаго долга?...

Будаковъ и Березкинъ засмѣялись. Ясно, что они считали меня за полнѣйшаго профана въ дѣлѣ торговыхъ счетовъ.

— Это изъ требованій видно, снисходительно объяснилъ первый изъ нихъ.

— Однако, вамъ самимъ нужно это знать утвердительно.

— Зачѣмъ же? Апосля всѣ счета сольются: приходъ съ расходомъ вѣренъ и шабашъ....

— Какъ такъ?... А активъ и пассивъ?

— Чево-съ?...

— Я говорю, активъ и пассивъ....

— Что вы хотите спросить?

— Я хочу сказать, что Д—скій долженъ Бѣдунову— это активъ, а что Бѣдуновъ долженъ Д—скому— это пассивъ. Неужели же вамъ эти слова неизвѣстны? Вѣдь вы же читаете газеты?

— Нѣкогда этимъ дѣломъ заниматься.... Такъ, ради шутокъ, либо васъ, либо, вотъ, Дмитрія Платоновича прочтешь. Презанятно пишетъ.... При томъ, въ нашей коммерціи эти слова не употребляются, а потому и знать ихъ намъ не нашего ума дѣло.

— А все таки вамъ должно-бы знать, кто кому долженъ?

— Нѣтъ.... То есть узнать можно, когда соберемъ всѣ счета.

— А въ данную минуту вы таки не знаете?

— Всѣ такъ большею частію торгуютъ и ведутъ счета, — сказалъ, обидѣвшись, Будаковъ, не желая далѣе продолжать разговора, — я вотъ въ столькихъ магазинахъ перебывалъ — все одно и то же. Счета у насъ ведетъ человѣкъ знающій, окончилъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ.

Я пожалъ плечами и тоже прекратилъ разговоръ, видя, что отъ прикащиковъ Бѣдунова мнѣ не добиться никакого толку.

Въ кафе-ресторанъ вошло новое лицо, нѣкто Францъ Романовичъ Гофманъ, молодой человѣкъ, нѣмецъ, съ которымъ я познакомился въ редакціи одного журнала.

— Чаекъ попиваете, обратился онъ ко мнѣ, пивца не хотите-ли...

Прикащики между тѣмъ встали изъ-за стола, понадѣвали пальто и распрощались со мною. Мы съ Гофманомъ остались одни.

— Что подѣлываете, чѣмъ занимаетесь? — спросилъ меня Гофманъ.

— Откровенно говоря, я занятъ одною мыслію. Меня въ высшей степени интересуетъ узнать причину бѣгства

книгопродавца Бѣдунова. Ломая голову, ищу, докапываюсь и — безуспѣшно

— Съ этою цѣлью вы вѣроятно и бесѣдовали съ бѣдуновскими прикащиками.

— Да.

— Узнали что?

— Ровно ничего.

Гофманъ засмѣялся.

— Согласитесь сами, — сказалъ я серьезно, что бѣгство это очень странное дѣло. Бѣдуновъ былъ человѣкъ честный, нерасточительный, ни пьяница, ни игрокъ, ни аферистъ ни спекулянтъ, который могъ-бы раззориться на разныя предпріятія, напротивъ, онъ велъ, повидимому, свои дѣла осторожно. Что же заставило его бѣжать? Вотъ вопросъ, который преслѣдуетъ меня безотвязно. Нельзя же предположить въ самомъ дѣлѣ, что честный человѣкъ, съ твердою почвою подъ собою, такъ-таки себѣ, схватилъ въ кассѣ чужія деньги и не особо громадный кушъ для него, и драло за границу!..

Гофманъ опять засмѣялся. Я подмѣтилъ, что у него есть какое-то возраженіе.

— Такія деньги, — продолжалъ я, — какія Бѣдуновъ, по общей молвѣ, захватилъ съ собою за границу, онъ могъ-бы достать и здѣсь, въ Петербургѣ, безъ всякаго воровства и побѣга. Ну, неудачный былъ ходъ торговли въ минувшемъ году, можно было-бы покредитоваться и улучшить въ текущемъ.. Фирма старая, почтенная, пользующаяся общимъ уваженіемъ, довѣріемъ и кредитомъ. И какъ онъ могъ раззориться, разсуждалъ я въ недоумѣніи, о томъ, что такъ твердо засѣло у меня въ головѣ, — онъ постоянно бывалъ въ магазинѣ, у кассы безотлучно находилась какая-то родственница его, много прикащиковъ, главный окончилъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ... Былъ порядокъ...

— Порядокъ!.. — воскликнулъ Гофманъ, захохо-

тавъ, — ну, вы шутникъ большой руки. Какой же тамъ былъ порядокъ?.. Въ томъ-то и дѣло, что порядка не было никакого... И тотъ пишетъ и считаетъ, и другой пишетъ и считаетъ, и третій пишетъ и считаетъ... А спросите у каждаго изъ нихъ: что вы пишете и считаете? а главное, для чего?.. Онъ самъ не понимаетъ, для чего онъ это дѣлаетъ. Вспомните русскую пословицу: «у семи нянекъ дитя всегда безъ глазу...» Неужели же вы думаете, что въ массѣ загнанныхъ въ магазинъ людей, безъ толку что-то пишущихъ и считающихъ, и будетъ заключаться порядокъ? Не угодно ли, я сведу васъ завтра въ другой книжный магазинъ на , въ которомъ обороты даже болѣе книжнаго магазина Бѣдунова, и вы увидите, что тамъ, вмѣсто этой массы прикащиковъ, управляетъ одинъ человѣкъ... И истиннаго порядка больше...

— Отчего же это? — спросилъ я.

— Другая система счетоводства, — отвѣчалъ утвердительно Гофманъ.

— Знаете что, — продолжалъ онъ, о бѣгствѣ Бѣдунова я, можетъ быть, думалъ столько же, сколько и *вы*... И кажется, я пришелъ къ открытію... *Бѣдуновъ погибъ*, по моему мнѣнію, *отъ незнанія счетоводства*, разумѣется въ обширномъ значеніи этого слова. На первыхъ порахъ мнѣніе мое можетъ показаться пародоксомъ, но, углубясь въ него, вы придете къ заключенію, что я едва-ли не правъ. Замѣтьте, во-первыхъ, что я выразился *«въ обширномъ смыслѣ,»* во-вторыхъ, вспомните, что Бѣдуновъ, хотя и сынъ книгопродавца, но принялся за эту профессію безъ надлежащей подготовки, слѣдовательно, по всей справедливости, можно допустить гипотезу, что онъ не зналъ счетоводства.

— Но, — возразилъ я, — кто же мѣшалъ ему узнать это?

— Такъ, если бы порядокъ веденія денежныхъ книгъ былъ удобопонятенъ, легокъ и ясенъ, — замѣтилъ Гоф-

манъ, — но, я обращаюсь, — сказалъ онъ, — къ своей гипотезѣ. И такъ, предположимъ, что Бѣдуновъ счетоводства не зналъ; узнать ему помѣшала крайная сложность и запутанность этого дѣла; книги обыкновенно такъ ведутся, что ясно и опредѣленно не видно ни суммы капитала, ни суммы убытковъ и прибылей по каждой отрасли данной торговли. Теперь можете же себѣ представить, какой, при такихъ условіяхъ, долженъ непремѣнно выйдти сумбуръ и ерунда!. Торговецъ находится просто въ состояніи кретина... Повторяю, можетъ быть уже извѣстное вамъ, что, не зная опредѣленной цифры капитала, нельзя дѣлать и разумныхъ оборотовъ. Нечего толковать о томъ, что торговля должна пойти, по простонародному выраженію, *зря*, на авось. Отсылается то, что нужно придержать; оставляется — что слѣдуетъ сбыть... Бѣдуновъ купилъ для изданія газету, тогда какъ ему ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало-бы покупать ее. Могъ-бы выгодно и перепродать, я самъ нашелъ-бы ему покупателя денежнаго и солиднаго человѣка, — онъ не перепродалъ. А отчего?.. Не зналъ хода своихъ дѣлъ. Словомъ сказать, слѣдуетъ безконечный рядъ торговыхъ ошибокъ, подъ часъ и маловажныхъ, но въ массѣ составляющихъ цифры съ нѣсколькими нулями и результатомъ — банкротство... Какъ вы объ этомъ думаете?..

— Очень легко можетъ быть, отвѣчалъ я, внутренно соглашаясь съ Гофманомъ, но у меня въ головѣ промелькнулъ другой вопросъ: если Бѣдуновъ дошелъ до извѣстнаго состоянія, то отчего же онъ не поступилъ такъ, какъ Прохоръ Елизаровичъ Скоробогатовъ?

Между тѣмъ, было уже поздно и содержатель кафе-ресторана объявилъ намъ, что заведеніе его закрывается. — Мы вышли.

Гофману пришлось идти на право, мнѣ на лѣво. Волею судебъ, намъ пришлось разстаться, не окончивши вполнѣ разговоръ.

VI.

То, что говорилъ Гофманъ по поводу Бѣдунова, мнѣ и самому неоднократно приходило въ голову, но смутно; теперь же мысли мои сосредоточились и сформировались. Но, допуская предположеніе, чрезъ что Бѣдуновъ раззорился, все таки оставался не разрѣшеннымъ вопросъ: Зачѣмъ же именно бѣжалъ онъ за границу? Отчего не остался въ Петербургѣ, не ликвидировалъ своихъ дѣлъ и не поступилъ точно такъ же, какъ Прохоръ Елизаровичъ Скоробогатовъ на Васильевскомъ островѣ?..

Вопросъ этотъ разрѣшился для меня совершенно неожиданно и въ то же время подтвердились предположенія Гофмана.

Однажды утромъ, послѣ чая, я сидѣлъ въ своей квартирѣ въ грустномъ раздумьѣ о злополучномъ векселѣ въ шестьсотъ рублей. Вдругъ въ передней раздался звонокъ и черезъ минуту въ мою комнату вошла горничная, подавая визитную карточку.

— Васъ спрашиваютъ, — сказала она.

Я взглянулъ: на карточкѣ было отлитографировано: «Иванъ Ѳедоровичъ Тайлосовъ.»

Фамилія эта была мнѣ совершенно незнакома.

— Просите, сказалъ я горничной.

Въ комнату вошелъ высокаго роста мужчина, лѣтъ сорока пяти, съ странной формою головы, съуженой къ верху, одутловатый, съ крупными чертами лица и въ синихъ очкахъ на глазахъ. Костюмъ его составляли черный сертукъ, сѣрый жилетъ и такіе же панталоны, засунутые въ сапоги съ длинными голенищами.

— Вы господинъ такой-то? — спросилъ онъ меня.

— Я.

— Иванъ Ѳедоровичъ Тайлосовъ.

— Очень пріятно, — отвѣчалъ машинально я и при-

гласилъ садиться, ожидая объясненія отъ незнакомца причины его визита.

— Вы имѣете, — началъ онъ, — вексель на Бѣдунова въ шестьсотъ рублей?

— Да.

— Не продали еще его?

— Нѣтъ, никто не покупаетъ, — отвѣчалъ я откровенно.

— Я куплю, — сказалъ, успокоительно качнувъ головою Тайлосовъ, — съ этою цѣлію я и пришелъ къ вамъ.

— Вы, вѣроятно, скупаете векселя Бѣдунова въ одни руки? — полюбопытствовалъ я.

Нн...нѣтъ... Собственно говоря, я пришелъ къ вамъ по порученію самого Александра Өедоровича Бѣдунова, чтобы возвратить вамъ условіе и право передать изданіе вашихъ сочиненій другому издателю. Александръ Өедоровичъ не имѣлъ времени издать ихъ, а теперь положительно не можетъ.

— Благодарю васъ. Признаюсь, меня стѣсняло это условіе; я не имѣлъ права говорить ни съ однимъ издателемъ, теперь я могу передать мои сочиненія другому, и получить отъ него деньги. Въ такомъ случаѣ я возвращу вексель Бѣдунова, — сказалъ я, доставая изъ письменнаго стола вексель. Но я получилъ уже отъ Александра Өедоровича 150 р. впередъ и не могу возвратить ихъ. У меня нѣтъ денегъ.

— Александръ Өедоровичъ поручилъ мнѣ не настаивать на требованіи этихъ 150 р. съ васъ.

Мы обмѣнялись. Тайлосовъ возвратилъ мнѣ условіе и сочиненія, я вексель.

— Извините меня, — началъ я, — я понимаю, что не имѣю никакихъ правъ на вашу довѣренность, но не одно праздное любопытство заставляетъ меня интересо-

ваться причиной происшедшей съ Бѣдуновымъ катастрофы...

— А сами вы развѣ не знаете? — спросилъ Тайлосовъ, пристально взглянувъ на меня. — Судя по тому, какъ хлопоталъ Александръ Ѳедоровичъ, чтобы вы получили обратно условіе и свои сочиненія, безъ всякаго убытка, я думалъ, что вы съ нимъ очень близки.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — я Бѣдунова почти не знаю, хотя и питаю къ нему симпатію. Что же касается до хлопотъ его—возвратить мнѣ условіе и не требовать съ меня 150 р., то полагаю, что онъ это сдѣлалъ, какъ благородный человѣкъ, зная меня за голаго бѣдняка Во время самой катастрофы меня даже не было въ Петербургѣ.

— Вы были въ С—кѣ. Я писалъ вамъ туда, но вы уже уѣхали.

— Собственно катастрофы, заговорилъ Тайлосовъ, никакой не было... Дѣло дошло до этого исподволь, шагъ за шагомъ, постепенно, годъ отъ году. Инвентарь лавки не дѣлалось лѣтъ двадцать. Александръ Ѳедоровичъ не зналъ ни итога своего состоянія, ни вѣрности оборота. Вы знаете, какъ ведутся наши торговыя книги. Самъ чортъ шею сломаетъ. А учиться уже было поздно, да и совѣстно было передъ прикащиками показать свое незнаніе въ дѣлѣ счетоводства и коммерческихъ оборотовъ. Такъ что, хотя Бѣдуновъ и виноватъ, но вовсе не въ такой степени, какъ его обвиняютъ...

— Но, позвольте, — остановилъ я Тайлосова, — зачѣмъ же Бѣдуновъ не поступилъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ другіе?.. Зачѣмъ онъ не ликвидировался со своими кредиторами и не заплатилъ имъ столько, сколько могъ?..

— То-есть, зачѣмъ не заплатилъ копейками за рубли?..

— Да. Все же лучше что нибудь, чѣмъ ничего.

— Бѣдуновъ не могъ рѣшиться на это по своей гордости, — отвѣчалъ Тайлосовъ Уѣхать за границу посо-

вѣтовалъ ему — *я*. Въ противномъ случаѣ Бѣдуновъ размозжилъ-бы себѣ черепъ!.. Прощайте!..

Съ этими словами Тайлосовъ раскланялся со мною.

Проводивъ Тайлосова, я вспомнилъ свою встрѣчу съ Бѣдуновымъ вечеромъ на Васильевскомъ островѣ, разговоръ въ трактирѣ «Малоярославецъ» и то настроеніе, въ которомъ онъ находился по поводу расплаты купца Скоробогатова со своими кредиторами.

А. Шкляревскій.

СЧЕТОВОДНЫЙ СПИРИТИЗМЪ.

Повѣсть изъ счетоводной жизни.

I.

Около семи часовъ вечера, 15 декабря 1875 года, на видъ еще молодой человѣкъ, блондинъ, съ правильными чертами лица, съ бородкою, окаймленной пухомъ, шелъ быстрыми, но ровными шагами черезъ Цѣпной мостъ у Лѣтняго сада, по направленію отъ инженернаго замка къ Соляному городку. По походкѣ, по особому способу держать себя, по внѣшнему впечатлѣнію, такъ и казалось, что онъ счетоводъ, которыхъ на Руси народилось какъ будто больше, со времени изобрѣтенія русской тройной системы. Онъ уже ступилъ на Цѣпной мостъ. Въ этомъ мѣстѣ, какъ извѣстно петербургскимъ жителямъ, для пѣшеходовъ отведена довольно узкая дорожка: справа цѣпная перегородка, слѣва рѣшетка,—мудрено, на кого нибудь не наткнуться, а тѣмъ болѣе мудрено разойтись со знакомымъ. Незнакомецъ, торопясь перейти мостъ, видимо старался не задѣть кого нибудь въ этомъ узкомъ проходѣ. На его лицѣ, въ его походкѣ можно было прочесть, что эта мысль мелькнула у него. Но въ это же мгновеніе, онъ былъ остановленъ старымъ пріятелемъ.

2

— Ба! Ты куда?

— Какъ куда? Въ Соляной городокъ, на лекцію Менделѣева.

— Ты! Счетоводъ.... изумленно спросилъ пріятель,.... не хочешь-ли ты сдѣлаться Менделѣевымъ?

— А ты! бухгалтеръ, ужъ не Аксаковъ ли ты?

При фамиліи Аксаковъ, встрѣтившійся пріятель видимо смутился.

Отъ незнакомца, обозваннаго Менделѣевымъ, не могло скрыться смущеніе пріятеля.

«Ужъ не спиритъ-ли», подумалъ онъ.

Встрѣтившіеся пріятели воспитывались вмѣстѣ въ петербургскомъ комерческомъ училищѣ. Еще въ дѣтствѣ они поступили въ одинъ и тотъ же классъ. Мѣста ихъ пришлись рядомъ. Дѣти, сами не отдавая себѣ отчета почему, не задаваясь желаніемъ подружиться, жили согласно, дружно. Они вмѣстѣ переходили изъ класса въ классъ, и вмѣстѣ окончили ученіе. Дружба между ними была какая то особенная, странная. Если бы кто нибудь спросилъ: есть ли у нихъ друзья, оба отвѣтили бы— нѣтъ. Если бы, какъ дѣлаютъ пансіонерки, спросить у каждаго изъ нихъ, кого онъ особенно любитъ въ классѣ, оба отвѣтили бы—никого. Несмотря однако на это, оба пріятеля прошли весь курсъ ученія, какъ говорится, рука въ руку. Они глубоко понимали и уважали другъ друга, а главное, вѣровали въ искренность, правдивость и честность натуры товарища. Каждый изъ нихъ слово своего пріятеля принималъ за слово искреннее, правдивое, и ни у одного изъ нихъ не мелькнуло тѣни подозрѣнія на счетъ искренности и правдивости другого.

Въ первый разъ рознь между ними родилась по появленіи въ свѣтъ русской тройной системы счетоводства. Одинъ изъ товарищей скоро сталъ на сторону тройной системы, тогда какъ другой остался приверженцемъ двойной. На этомъ они не могли сойтись. Рознь ихъ во взгля-

дахъ на эти системы была такъ неизмѣримо глубока, что они впервые въ жизни дали другъ другу враждебныя прозвища.

— Бухгалтеръ! говорилъ одинъ, понимая это слово въ смыслѣ того, что онъ стоитъ за двойную итальянскую *заграничную* систему.

— Счетоводъ! возразилъ другой, придавая это названіе тому, кто стоитъ за *русскую* тройную систему.

При встрѣчѣ между собою, пріятели не преминули также обмѣняться прозваніями бухгалтеръ и счетоводъ. Но эта рознь нисколько не нарушала добрыхъ отношеній товарищей, а, казалось, еще больше соединяла ихъ.

— Какъ-бы мнѣ хотѣлось сдѣлать своего пріятеля поклонникомъ тройной системы, думалъ счетоводъ.

— Какъ-бы мнѣ хотѣлось воротить своего пріятеля на путь двойной системы, думалъ бухгалтеръ.

А теперь, когда у перваго мелькнула мысль, не спиритъ-ли его пріятель бухгалтеръ, когда послѣдній, при разговорѣ съ своимъ товарищемъ о спиритизмѣ, нечаянно выдалъ себя, послѣ этого сердце счетовода сильно сжалось. Тутъ только сказалась его дружба къ пріятелю. Ему захотѣлось, во что-бы то ни стало, воротить его на путь истины, доказать ему нелѣпость спиритизма, которымъ видимо тотъ заразился.

— Не хочешь-ли и ты со мной? произнесъ первый, подъ вліяніемъ такой мысли.

— Нѣтъ, проговорилъ сконфузясь бухгалтеръ.

— Что-же, ты куда нибудь торопишься?

— Нѣтъ, никуда; я свободенъ.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ.

— Нѣтъ, я не буду слушать Менделѣева.

— Признавайся, ты Аксаковичъ?

— А ты Менделѣевичъ?

— Мало сказать, Менделѣевичъ; это не выражаетъ вполнѣ моего отвращенія отъ спиритиза.

*

— А меня, если бы ты назвалъ Аксаковичемъ, это было-бы величайшей честью, такъ глубоко уважаю я этого человѣка, такъ глубоко вѣрю въ спиритизмъ.

Пріятели на минуту смолкли. Для обоихъ сущность ихъ убѣжденій открылась впервые. О спиритизмѣ, какъ-то, у нихъ не заходило до сихъ поръ никакого разговора. Мы оставимъ за ними данныя ими другъ другу имена: Менделѣевичъ и Аксаковичъ; такъ какъ ими лучше всего окрещиваются понятія и сила убѣжденій обоихъ пріятелей.

Они нѣсколько мгновеній смотрѣли другъ на друга и у каждаго изъ нихъ шевелилась одна и та же мысль — обратить пріятеля на путь истинный, а истиннымъ путемъ каждому казались только его личныя убѣжденія.

— Я этимъ самымъ сдѣлаю для пріятеля доброе дѣло, думалъ каждый изъ нихъ.

— Послушай, Аксаковичъ — сказалъ Менделѣевичъ, пойдемъ слушать лекцію, я тебя не пущу. Первый разъ въ жизни обращаюсь къ тебѣ съ просьбою. Вотъ уже сколько лѣтъ мы знаемъ другъ друга, вмѣстѣ учились, вмѣстѣ окончили курсъ, не откажи же мнѣ въ этомъ. Вѣдь ты же сказалъ, что свободенъ.

— Жаль мнѣ тратить время и деньги. Я твердо знаю, что тамъ о спиритизмѣ не будетъ ни малѣйшей рѣчи.

— Какъ это о спиритизмѣ не будетъ рѣчи? возразилъ Менделѣевичъ, да вѣдь сегодня лекція о спиритизмѣ. Прошу тебя, пойдемъ вмѣстѣ. При тебѣ нѣтъ денегъ, я возьму тебѣ билетъ, — послѣ разсчитаемся. Я думаю, что ты не изъ за того отказываешься, что не хочешь потерять какой нибудь рубль за билетъ?

— Нѣтъ, я во всякомъ случаѣ хочу идти въ театръ.

— Ну и прекрасно, пойдемъ. Вообрази, что ты въ театрѣ. Сдѣлай для меня это удовольствіе!

— Пожалуй, согласился Аксаковичъ, но ты не собьешь меня съ пути спиритизма, какъ не сбилъ до сихъ поръ съ двойной системы, сказалъ Аксаковичъ, угадывая мысль

пріятеля по искренности тона, съ которымъ Менделѣевичъ просилъ его на лекцію.

Оба пріятеля направились въ соляной городокъ.

II.

Менделѣевичъ запасся билетомъ уже заранѣе. У Аксаковича билета еще не было. Народу собралось много. Достать билетъ было трудно: въ кассѣ уже всѣ билеты распроданы. Желаніе Менделѣевича провести товарища на лекцію казалось несбыточнымъ. Но желаніе это было такъ сильно, такъ глубоко, что онъ отдалъ свой билетъ пріятелю, заявивъ, что самъ, во всякомъ случаѣ, попадетъ на лекцію, въ послѣдніе ряды, хоть-бы ему пришлось стоять. Стоять, однакожъ, ему не пришлось, и Аксаковичу отказываться отъ билета оказалось лишнимъ. Въ кассу кто то прислалъ обратно, взятый заранѣе билетъ. Менделѣевичъ, какъ стоявшій ближе къ кассѣ, сейчасъ же воспользовался этимъ билетомъ. Менделѣевичъ упросилъ Аксаковича повѣсить свое пальто подъ одинъ нумеръ и взялъ къ себѣ нумеръ, опасаясь, чтобы пріятель какъ нибудь не ушелъ съ лекціи. Какъ ни крѣпка была вѣра его въ пріятеля, но желаніе, чтобы тотъ выслушалъ лекцію, было такъ глубоко, что онъ боялся за сбыточность своего желанія, и подъ впечатлѣніемъ такой боязни взялъ къ себѣ нумеръ отъ его пальто. Аксаковичъ подмѣтилъ это и улыбнулся. Пріятели пошли на лекцію. Имъ пришлось сидѣть порознь: билеты ихъ не были не только рядомъ, но даже и не на одной скамейкѣ.

Лекція кончилась, какъ всѣ лекціи. Пріятели долго должны были поджидать, пока публика расходилась, тѣмъ болѣе, что оба они не торопились. Обоимъ имъ хотѣлось поговорить другъ съ другомъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Когда публики осталось меньше, они взяли пальто, молча вышли на улицу и остановились другъ предъ другомъ: одному надо было идти на лѣво, другому на право, но они минуту стояли неподвижно. Никто изъ нихъ не хотѣлъ начать разговоръ.

— Я тебя провожу, сказалъ Аксаковичъ, если ты только пойдешь не по Большой Садовой, а съ этой стороны—по Фонтанкѣ. Ты пойдешь черезъ Пантелеймоновскій мостъ, а я къ себѣ.

Пріятели перешли улицу и прошли уже домъ Безобразова, все молча. Никому изъ нихъ не хотѣлось начать разговоръ первымъ. У обоихъ шевелилось на сердцѣ не то сожалѣніе, не то скорбь о погибающемъ товарищѣ.

— Что, спросилъ Аксаковичъ, подходя уже къ Пантелеймоновскому мосту, на которомъ они должны были разстаться, прикажешь называть тебя теперь Менделѣевичемъ?

— А ты теперь уже будешь просить меня называть тебя Аксаковичемъ?

— И эта вторая просьба горше первой. Я тебя прошу, ты можешь меня считать и называть Аксаковичемъ, только, понятно, не при чужихъ. Я не люблю рисоваться своими убѣжденіями, а тѣмъ болѣе, когда эти убѣжденія составляютъ самую глубь моей души.

— А я тебя попрошу называть меня Менделѣевичемъ при всѣхъ торжественно. Я ни предъ кѣмъ не буду скрывать, что не принадлежу къ спиритамъ.

Они дошли до моста, остановились и долго смотрѣли другъ на друга. Тутъ только поняли они, что между ними существуетъ какая то связь, въ которой они не отдавали себѣ отчета, въ теченіе всей своей юношеской жизни. Тутъ то у обоихъ проявилось чуство дружбы и участіе къ другому. Тутъ они почуяли, что рознь во взглядахъ ихъ на самыя близкія къ нимъ дѣла: на счетоводное дѣло и на спиритизмъ, —нетолько не отталкивала

ихъ другъ отъ друга, а напротивъ, скрѣпляла ихъ дружбу. Должно быть, что то болѣе глубокое, чѣмъ взглядъ на спиритизмъ и на дѣло своего труда, связывало этихъ двухъ друзей.

Они простились, не сказавъ другъ другу ни слова. Какъ то нервно пожали они другъ другу руку и странно взглянули другъ на друга. Во взглядахъ этихъ, казалось, каждый прочелъ у друга: «я сверну его съ ложнаго пути, я сдѣлаю все, чтобы направить его на истинную дорогу».

Они ушли, — одинъ на лѣво, другой на право.

Но первая мысль, которая овладѣла обоими, была — какъ можно скорѣе опять встрѣтиться. Мысль эта пришла въ сознаніе каждому изъ нихъ, когда они были уже далеко другъ отъ друга. Они не успѣли условиться, гдѣ встрѣтится. Другъ у друга они не бывали и надо было ожидать случая, который свелъ бы ихъ вновь.

III.

Лѣтъ за шесть до описанной встрѣчи оба пріятеля окончили курсъ въ петербургскомъ комерческомъ училищѣ. По выходѣ изъ училища, Аксаковича взялъ къ себѣ одинъ крупный комерсантъ, не для того, чтобы ему требовался въ конторѣ еще лишній бухгалтеръ, а ради только того, чтобы въ качествѣ, покровителя училища, пристроить молодого человѣка и дать ему занятія. Черезъ нѣсколько дней Аксаковичъ явился на службу и началъ работать. Но у него, какъ то, все выходило не ладно. Возьметъ въ руки перо, оно точно вываливается изъ рукъ, напишетъ счетъ,—управляющій посмотритъ, посмотритъ на этотъ счетъ, да и отдастъ его переписать другому. Сидитъ онъ за конторкою на высокомъ стулѣ, и стулъ

изъ-подъ него выскальзываетъ. Во всемъ былъ замѣтенъ новичокъ. Черезъ нѣсколько дней управляющій намекнулъ ему, что онъ взятъ въ контору только до пріисканія какого-нибудь мѣста, и на большое содержаніе разсчитывать не можетъ; такъ, можетъ, рублей 15 — 20, и то, не для того, чтобы это назвать содержаніемъ, а чтобы сдѣлать какое-нибудь поощреніе молодому человѣку. Далѣе, ему дали понять, въ высшей степени въ мягкихъ выраженіяхъ, что если только онъ имѣетъ въ виду какое-нибудь лучшее мѣсто, то можетъ разсчитывать, что контора, въ случаѣ справокъ о немъ, сдѣлаетъ весьма одобрительный отзывъ, какъ о лучшемъ воспитанникѣ петербургскаго комерческаго училища. Нельзя сказать, чтобы при этихъ словахъ Аксаковичъ почувствовалъ себя совершенно чужимъ въ конторѣ. Ему этого не замѣтили, а были съ нимъ въ высшей степени радушны и любезны, но онъ чувствовалъ изъ всего и самъ хорошо понималъ, что въ дѣлѣ онъ еще новичокъ, что такъ на него и смотрятъ, поэтому и не обижался. Одинъ разъ онъ попросилъ управляющаго дать ему какую-нибудь серьезную работу. Управляющій сказалъ, что теперь наступаетъ лѣто, что лѣтомъ особенной работы не будетъ, что онъ придумаетъ и дастъ работу къ осени, а между тѣмъ предложилъ Аксаковичу, если онъ хочетъ, послѣ окончанія училища, на нѣсколько недѣль и даже мѣсяцовъ взять отпускъ, то ему въ этомъ не откажутъ и, по возвращеніи, съ удовольствіемъ дадутъ другую, болѣе солидную работу. Въ этомъ предложеніи было такъ много натуральнаго, что Аксаковичъ нисколько не былъ обиженъ, а напротивъ того, принялъ это даже за особое расположеніе къ нему.

Какъ разъ, въ это время, одинъ инженеръ, отправлявшійся на югъ, въ войско донское, на съёмки для какой то желѣзной дороги, искалъ молодого человѣка, для того, чтобы тотъ дѣлалъ нѣкоторыя мелкія вычисленія,

помноженія, чертежи и т. п. Аксаковичъ ухватился за мысль поѣхать съ инженеромъ. Тотъ предложилъ весьма мизерное жалованье, чуть ли не 5 р. въ мѣсяцъ, на полномъ однакожъ содержаніи инженера, и затѣмъ, если дѣло кончится скоро, или самъ инженеръ получитъ какую-нибудь премію, то изъ этой преміи обѣщалъ ему еще какую-нибудь награду. Аксаковичъ не погнался за жалованьемъ. Его влекло одно желанье—пожить на свободѣ въ деревнѣ и, кстати, посмотрѣть на людей. Такъ дѣло было рѣшено, и черезъ нѣсколько дней Аксаковичъ ѣхалъ уже въ третьемъ классѣ черезъ Москву на Донъ, съ инженеромъ и его семействомъ.

Жизнь на Дону была больше кочевая. Самъ инженеръ, наблюдавшій за партіями работъ, останавливался въ городахъ, ближайшихъ къ пунктамъ работъ, гдѣ на мѣсяцъ, гдѣ на два. Аксаковичъ ходилъ иногда на работы съ партіями, но такъ какъ для него тамъ не оказывалось особенно много дѣла, то его скоро засадили за черченіе, вычисленіе, умноженіе и т. п. работы.

Инженеръ былъ женатый человѣкъ. Онъ и жена его были завзятые спириты.

Аксаковичъ о спиритизмѣ ничего не зналъ, да никогда о немъ и не слыхалъ и познакомился съ спиритизмомъ впервые. У жены инженера былъ столикъ о трехъ ножкахъ, которымъ зачастую по вечерамъ занимался и инженеръ, и жена его, и Аксаковичъ. Тутъ онъ самъ задавалъ кое-какіе вопросы, самъ прикладывалъ руки къ столу, самъ получалъ отвѣты и увѣровалъ въ спиритизмъ. Собственно, онъ не сдѣлался ярымъ спиритомъ, не сталъ заниматься столописаніемъ одинъ, но просто былъ изъ числа сторонниковъ спиритизма, которому, на самомъ дѣлѣ удалось видѣть его, но который, не далъ себѣ серьезнаго труда объяснить себѣ явленіе.

Наступала осень. Партія съёмокъ окончила свои работы.

Инженеръ, его жена и Аксаковичъ собрались въ Петербургъ.

Они на этотъ разъ жили въ станицѣ.

Аксаковичъ уложилъ свои вещи и послѣ обѣда пошелъ проститься со степью.

Вышелъ онъ въ поле и задумчиво, шагалъ довольно быстро. Ему было не то жаль разставаться съ тою природою, съ которою онъ началъ уже свыкаться, не то грустно. Аксаковичъ самъ этого не замѣчая, зашелъ довольно далеко. Станица скрылась у него изъ глазъ. Но онъ все еще не замѣчалъ и все шагалъ дальше. День клонился къ вечеру. Наконецъ, Аксаковичъ опомнился, остановился: «куда же я иду? пора вернуться домой». Онъ оглядѣлся во всѣ стороны: передъ нимъ были широкая необъятная степь, да открытое небо. «Ужъ поздно», подумалъ Аксаковичъ: пойду я прямо степью, тамъ можно будетъ пройти черезъ одинъ оврагъ и попасть въ станицу ближайшею дорогою, чѣмъ по большой». Онъ повернулъ въ степь. Солнце опустилось. Начинало темнѣть.

Аксаковичъ все еще не видѣлъ передъ собою знакомой станицы.

Вотъ уже стемнѣло.

Аксаковичъ не замѣтилъ, какъ въ задумчивости онъ принялъ совершенно другую дорогу и не сообразилъ, что поворачивая въ степь, какъ разъ пошелъ въ противоположную сторону. Онъ заблудился. Долго шелъ онъ еще по степи. Все было одинаково сѣровато. Ночь темная. Вдали ничего не видно.

Аксаковичъ потерялъ уже надежду воратиться домой къ ночи. У него начинало являться сознаніе, что онъ дѣйствительно заблудился.

Вдругъ передъ нимъ мелькнулъ огонекъ. Идя по направленію къ огоньку, онъ занятъ былъ мыслью, какъ бы не потерять его изъ виду, какъ вдругъ подъ нимъ осыпалась земля. Онъ слетѣлъ съ обрыва и упалъ въ воду.

Переплывъ на другую сторону рѣки, первою мыслью его было отыскать огонекъ, но огня уже не было.

Аксаковичъ былъ внизу оврага и возвышеніе затемняло ему огонь. Онъ началъ подыматься по отлогому возвышенію и скоро увидѣлъ предъ собою огонь. Огонь этотъ былъ совсѣмъ близко, передъ нимъ былъ хуторъ.

Аксаковичъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ и постучался на хуторъ. Когда онъ вошелъ въ комнату, его встрѣтила высокая, стройная казачка, съ правильными чертами лица, одѣтая, не то въ блузѣ, не то въ платьѣ.

Аксаковичъ извинился.

Хозяйка попросила его войти въ комнату.

Аксаковичъ спросилъ, какъ ему попасть въ станицу такую то.

— Боже мой, сказала хозяйка, да вѣдь это верстъ 20 отсюда. Теперь вы не достанете лошадей. Вамъ придется ночевать у меня. Какимъ образомъ вы попали сюда. Вы кажется пришли не со стороны большой дороги?

Аксаковичъ разсказалъ, что случилось съ нимъ.

— Какимъ же образомъ вы не убились? воскликнула хозяйка.

— Подо мною осыпалась земля и я по землѣ съѣхалъ въ воду.

— Виновата, я не разглядѣла, на васъ мокрое платье, перемѣните бѣлье.

Тутъ хозяйка вынула мужское бѣлье, халатъ, и подала ихъ Аксаковичу, сказавъ, что она пойдетъ поставить самоварь.

— Мнѣ бы хотѣлось сегодня попасть въ станицу, потому что завтра я долженъ съ знакомыми выѣхать въ Петербургъ.

— Я уже сказала, что это невозможно, у насъ на хуторѣ нѣтъ лошадей и вы здѣсь въ степи нигдѣ ихъ не достанете и поневолѣ должны ночевать у меня, а зав-

тра, какъ только мы добудемъ лошадей, вы поѣдете, хотите въ станицу, хотите въ Петербургъ. Пожалуй и я съ вами поѣду. Я давно ищу случая попасть съ кѣмъ нибудь въ Петербургъ.

Аксаковичъ видимо былъ озадаченъ вольностію послѣдней рѣчи хозяйки.

— Вы можете, продолжала она, располагаться здѣсь свободно. Кромѣ меня на хуторѣ нѣтъ ни души. Была работница, но я ее уже отпустила спать, ей рано надо отправляться въ степь на работу.

«Можете располагаться свободно, кромѣ меня на хуторѣ ни души», прозвучало въ ушахъ Аксакова. У него явилось желаніе узнать ближе — кто эта безцеремонная хозяйка.

— Виноватъ—я забылъ вамъ отрекомендоваться, сказалъ онъ съ намѣреніемъ, что и хозяйка въ свою очередь сообщитъ ему о себѣ.

— Нисколько не виноваты; перебила хозяйка. Вы сбились съ дороги, и этого достаточно, чтобы имѣть право ночевать у меня.

— Я находился при инженерѣ на съемкахъ подъ желѣзную дорогу.

— Для меня совершенно достаточно того, что вы сбились съ дороги и нуждаетесь въ ночлегѣ, перебила опять хозяйка.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Со мною... Мои предки, быть можетъ, Римъ спасли, а я вотъ должна вамъ чай наливать, отвѣтила хозяйка, подавая Аксаковичу стаканъ чая.

— Какъ прикажете называть васъ?

— Екатерина Алексѣевна.

— Madame ou mademoiselle?

— Вы французъ?

— Барыня или барышня?

— У насъ этими словами бранятъ лѣнтяекъ.

— Дѣвица или дама? поправился Аксаковичъ.

Екатерина Алексѣевна улыбнулась.

— А вамъ на что? спросила она. Узнайте!

У Аксаковича вскружилась голова при послѣднемъ словѣ.

— Извольте, узнаю, сказалъ онъ, дѣлая движеніе, чтобы обнять ее.

Полновѣсная пощечина остановила его.

Аксаковичъ осовѣлъ. Онъ долго не могъ оправиться. Екатерина Алексѣевна сидѣла противъ него на прежнемъ мѣстѣ.

— Вамъ время спать, сказала она вставая.

— Екатерина Алексѣевна! вырвалось у него изъ груди. Бога ради, одно слово.

Она остановилась.

— Какія рѣчи вы говорите,—«вы будете ночевать у меня», «я поѣду съ вами въ Петербургъ», «я давно ищу случая уѣхать», «вы можете располагаться здѣсь свободно», «кромѣ меня на хуторѣ ни души», «узнайте, дѣвица я или дама»,—согласитесь, чтò я долженъ былъ вывести изъ всей вашей свободной рѣчи? Если я и сдѣлалъ невольное движеніе—то право же ваши рѣчи этому виною. Сознайтесь внутренно, хоть и не признавайтесь на словахъ, что это такъ. Не дѣлайте обо мнѣ ошибочнаго вывода. Не судите по моему движенію, невольному, электрическому, не будьте несправедливы, недумайте обо мнѣ дурно, мнѣ гадко самому это движеніе, простите меня.

Рѣчь его была произнесена голосомъ, полнымъ искренности и внутренняго волненія.

— Если я чтò сознаю внутренно, въ томъ признаюсь откровенно. Но вы не можете понимать меня.

— Я постараюсь.

— Вы баринъ.

— Я не Обломовъ.

— О, много чести! Обломовъ былъ человѣкъ натуральный, а вы искуственный, дѣланный.

— Изъ чего вы это заключаете?

— Да хоть бы изъ этой вывѣски. И Екатерина Алексѣевна указала на стеклышко, висѣвшее у Аксаковича поверхъ халата.

Аксаковъ судорожно разорвалъ шнурокъ, сломалъ стеклышко и бросилъ его съ такою силою, что стекло разлетѣлось въ дребезги.

— Я не баринъ, сказалъ онъ, я прикащикъ, купеческій сынъ.

— Все равно, мы не поймемъ другъ друга. Вы человѣкъ искуственный, дѣланный, а мы здѣсь люди степные, природные.

— Я не понимаю, что вы хотите этимъ сказать.

— Вотъ я и права. Мы не можемъ понять другъ друга!

— Ради Бога объясните.

— Долго ли вашего брата сдѣлать, начала Екатерина Алексѣевна. Нацѣпилъ на языкъ нѣсколько французскихъ фразъ, надѣлъ на носъ стеклышко, вотъ и готовъ искуственный человѣкъ, хоть куда, хоть на выставку. А сбейте съ языка выученныя фразы, снимите съ носа стеклышко, и вашъ братъ осовѣетъ и не найдется. Развалился сдѣланный человѣкъ, ну и не найдется самъ, какъ ему сложиться, чѣмъ быть. У васъ все навязано вамъ. Вы рапортуетесь о себѣ, точно васъ за человѣка не считаютъ, пока не узнаютъ, подъ какой вывѣской васъ надо величать. Вамъ надо знать предковъ, точно вы сами безъ нихъ не составляете ничего. Мы здѣсь люди вольной степи, люди природы; какъ насъ степь вскормила, такъ мы и остались. Какъ на насъ ни навязывай брелоки и фразы, съ насъ все это сейчасъ сваливается; намъ это нейдетъ, оно намъ смѣшно. Какъ мы родились, такими и остаемся. Ну гдѣ же вамъ ночевать, какъ не у меня. Надо бы-

ло бы даже сказать: со мной, такъ какъ этотъ и хуторъ и халатъ не мои, а моего брата; его теперь нѣтъ, онъ въ степи на работѣ, тамъ и ночуетъ! Какъ же не предупредить васъ не стѣсняться, отчего же мнѣ и не сказать, что я поѣду съ вами, что собираюсь съ кѣмъ-нибудь добраться до Петербурга, когда это правда. Ну какъ же не посмѣяться надъ вопросомъ: мадамъ или мадмуазель, барыня, барышня, дѣвица, дама—зачѣмъ вамъ знать все это?

Аксаковичъ былъ уничтоженъ. Онъ въ первый разъ слышалъ такія рѣчи и не нашелся что отвѣтить.

— Признайтесь, продолжала Екатерина Алексѣевна. Вы сами не отдали себѣ отчета: идутъ ли къ прикащику, къ русскому купеческому сыну, на степномъ казачьемъ хуторѣ французскія фразы. Вы никогда не подумали, зачѣмъ вамъ стекло, которое надѣло на васъ одно обезьянство, зачѣмъ вамъ знать, кто я, что я, когда вамъ надо только напиться чаю да лечь спать.

При послѣднихъ словахъ она встала.

— Екатерина Алексѣевна, вырвалось у Аксаковича. Вы не оставите меня не простивши. Я не въ силахъ сказать, какъ мнѣ самому гадко мое поведеніе передъ вами. Вы правы. Бога ради простите. Я униженъ, оскорбленъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, признайте же во мнѣ хоть чувство достоинства природнаго человѣка. Все навязанное мнѣ, чему я обязанъ сегодняшнимъ униженіемъ, я сброшу съ себя, какъ бросилъ это проклятое стеклышко, которое дѣйствительно надѣлъ безъ дѣла, безъ надобности, потому только, что надѣваютъ другіе, но только Бога ради не презирайте меня.

— Презирать! зачѣмъ, я вижу теперь, что въ васъ есть искренность, а это уже не навязывается, будьте же человѣкомъ и я буду уважать васъ. А теперь прощайте. Съ этими словами она пожала ему руку, пожелала покойной ночи, указала на диванъ и вышла.

IV.

Оставшись одинъ, Аксаковичъ долго еще сидѣлъ неподвижно на своемъ мѣстѣ. Онъ никогда не слышалъ подобныхъ рѣчей, никогда не сдѣлалъ подобнаго шага и теперь находился въ какомъ-то томительно-тяжеломъ положеніи. Всѣ чувства, угнетавшія его, отражались на его лицѣ. На немъ, какъ будто, можно было прочесть: я сыгралъ роль и дурака и пошляка, хотя достоинъ лучшей роли! Ему не хотѣлось даже пошевельнуться. Такъ, кажется онъ и замеръ. Казалось, онъ пугался движенія собственнаго тѣла, какъ будто отъ него ожидалъ укора самому себѣ.

— Что же вы не ложитесь, кликнула ему черезъ дверь Екатерина Алексѣевна, не забудьте огонь погасить.

Аксаковичъ почувствовалъ новую неловкость, перешелъ на диванъ, легъ и погасилъ свѣчу. Но онъ не заснулъ. Впечатлѣнія этого дня подѣйствовали на его натуру. Утомленіе отъ долгаго странствованія по степи, мучительная тревога заблудившагося человѣка, испуганнаго при паденіи въ оврагъ, ознобъ промокшаго человѣка, наконецъ, тяжелое душевное впечатлѣніе, которое онъ впервые почувствовалъ въ этотъ вечеръ, все перемѣшивалось въ головѣ, къ которой начала приливать кровь.

Онъ заболѣлъ. Часа черезъ два онъ началъ бредить и къ утру былъ въ сильномъ жару.

Когда настало утро, Екатерина Алексѣевна довольно долго поджидала, давая своему гостю время выспаться. Но когда работница привела телегу, чтобы отвести гостя въ станицу, Екатерина Алексѣевна вошла въ комнату.

— Уже поздно, сказала она: надо вамъ... Она недоговорила, увидя мутныя глаза и какое то странное лицо

своего гостя. Она подошла къ нему, взяла за голову. Голова горѣла. Онъ былъ въ горячкѣ.

— Вы не можете ѣхать въ этомъ состояніи, сказала она, вы больны.

— Куда ѣхать?.

— Да куда вы вчера хотѣли?

Онъ смотрѣлъ на нее, какъ бы смутно припоминая вчерашнее.—Ахъ да, въ Петербургъ мы собрались.

Екатерина Алексѣевна замѣтивъ, что гость въ самомъ дѣлѣ серьезно заболѣлъ, послала сказать объ этомъ инженеру.

Посланный не засталъ его. Онъ съ женою уѣхалъ уже въ Петербургъ, оставивъ въ станицѣ вещи Аксаковича, которыя и привезены были на хуторъ. Гость оказался такимъ образомъ, со всѣми своими небольшими пожитками, на жительствѣ въ хуторѣ. Недѣли двѣ здоровье не позволяло ему выѣхать въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что приходилось ѣхать довольно долго на простой телегѣ, сначала до почтоваго тракта, потомъ до желѣзной дороги. Между тѣмъ, къ этому времени Екатерина Алексѣевна, давно уже собиравшаяся въ Петербургъ, рѣшила воспользоваться случаемъ проводить больного до столицы. Кстати ей приходилось ѣхать не одной.

Они поѣхали вмѣстѣ.

V.

По возвращеніи въ Петербургъ, Аксаковичъ первымъ дѣломъ отправился на службу въ контору.

— Вы не можете разсчитывать, хотѣлъ было сказать управляющій, на лучшее мѣсто и остановился. Онъ не узнавалъ его. Вмѣсто прежняго суетливаго новичка, онъ видѣлъ предъ собою спокойнаго, тихаго. Желая сказать, что онъ не можетъ разсчитывать на вознагражденіе болѣе

15—20 р., управляющій кончилъ: словами «я вамъ дамъ занятіе» и сейчасъ же привелъ его на прежнее мѣсто за конторку, поручивъ бухгалтеру дать ему работу. Бухгалтеръ далъ ему написать изъ расчетной книги нѣсколько счетовъ, чтобы разослать ихъ по адресамъ.

Аксаковичъ началъ работать но потомъ остановился.

— Не можете ли вы, обратился онъ къ бухгалтеру, сдѣлать мнѣ одолженіе сказать откровенно: отчего въ прошлый разъ, ни одинъ счетъ, писанный моею рукою, не былъ отправленъ. Всѣ они еще разъ переписывались. Вѣдь я кажется ихъ составлялъ, какъ слѣдуетъ.

— Если вы просите быть съ вами откровеннымъ, то не разсердитесь за откровенность.

— Ахъ Боже мой, я буду вамъ за нее очень благодаренъ.

— Вотъ видите ли, вы счеты составляете вѣрно, это правда, но они выходятъ у васъ неровными: однѣ цифры къ верху, другія къ низу. У насъ контора большая, намъ нельзя отправлять счеты, написанные дѣтскою рукою, дѣтскимъ почеркомъ. Вы не торопитесь, а пишите ровнымъ почеркомъ и тогда счеты будутъ отправляться.

Аксаковичъ поблагодарилъ. Онъ до сихъ поръ не придавалъ большого значенія почерку. Теперь онъ только увидѣлъ, какъ это важно въ его дѣлѣ. Онъ вспомнилъ въ числѣ объявленій, которыя ему приходилось читать въ газетахъ, предложеніе калиграфа объ исправленіи почерка; отыскалъ адресъ и отправился заниматься у калиграфа. Онъ писалъ цѣлыя ночи и скоро успѣлъ. Въ конторѣ тоже онъ принялся за дѣло горячо. Онъ понялъ, что единственная его атестація—это акуратно выполненная работа и, поэтому, прежде чѣмъ подать ее, провѣрялъ и просматривалъ по нѣскольку разъ, и скоро заслужилъ репутацію человѣка, послѣ котораго провѣрять работу нечего. Она уже сдѣлана вѣрно.

Молчаливый характеръ, отсутствіе прежней суетливо-

сти расположили къ нему бухгалтера и управляющаго. Въ первый мѣсяцъ, правда, ему выдали 15 рублей съ оговоркою, впрочемъ, что новичкамъ всегда выдается столько, но что на слѣдующій мѣсяцъ онъ получитъ другую работу.

Дѣйствительно, онъ получилъ на слѣдующій мѣсяцъ 50 рублей, на третій—80 руб., затѣмъ ему предложенъ былъ постоянный окладъ въ 150 р., и квартира въ хозяйскомъ домѣ.

— Вы, спросилъ его при этомъ управляющій, не мечтаете куда нибудь переходить, или, быть можетъ, ѣхать заграницу, переселиться въ какой нибудь другой городъ?

Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, а для чего вамъ нужны эти свѣдѣнія?

— Вотъ видите ли, хозяинъ намѣриваетя оставить васъ у себя постояннымъ бухгалтеромъ; онъ разсчитываетъ, главнымъ образомъ, на вашу скромность и пунктуальность. Какъ вамъ извѣстно, торговому человѣку перемѣнять часто бухгалтера неудобно, и если хозяинъ предлагаетъ это мѣсто, то въ надеждѣ, что вы останетесь здѣсь десятки лѣтъ.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ, за ваше любезное довѣріе ко мнѣ, я постараюсь его оправдать. Личныя мои стремленія таковы, чтобы оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ десятки лѣтъ и, лучше всего, въ Петербургѣ.

— Такимъ образомъ ваши желанія совершенно сходятся съ желаніями хозяина. Я такъ и передамъ ему. Онъ лично самъ будетъ еще говорить съ вами объ этомъ.

Постоянное мѣсто за Аксаковичемъ было упрочено. Это-то мѣсто и занималъ онъ въ то время, когда встрѣтился съ Менделѣевичемъ на цѣпномъ мосту у Лѣтняго сада.

VI.

Простившись съ Менделѣевичемъ у Пантелеймоновскаго моста, Аксаковичъ пошелъ домой.

— Достань-ка ты мнѣ, сказалъ онъ, обратившись къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, гдѣ нибудь доску отъ стараго сигарнаго ящика.

— Это что за новость, отвѣчала та: откуда, такая повелительность, я тебѣ повторяю, я не раба?

— Ахъ, оставь, какая повелительность, какая раба! Ты знаешь меня уже шесть лѣтъ, я тебя столько же; дружба наша должна исключать всѣ сомнѣнія на счетъ обоюднаго уваженія; не каждое же лыко брать въ строку. Близость нашихъ отношеній вызываетъ на то, чтобы наконецъ говорить нѣсколько свободнѣе, не задумываясь, какъ дипломатъ, надъ каждымъ словомъ.

— Я тебѣ сто разъ буду говорить и повторять, брось ты, какъ бросилъ стеклышко, понятіе, что я твоя слуга. Выкинь ты изъ головы эти рабскія понятія, или я уйду отъ тебя, если хочешь, даже сегодня.

— Не повторяй мнѣ одного и того же. Вѣдь ты мнѣ это говорила не сто, а тысячу разъ. Я питаю къ тебѣ самое глубокое уваженіе и говорю тебѣ, чтобъ доказать, что ты не слуга моя, не рабыня, а другъ, пользующійся глубокимъ моимъ уваженіемъ и довѣріемъ, другъ, совершенно равный мнѣ: прошу тебя въ сотый, тысячный, миліонный разъ, обвѣнчаемся и тогда мы будемъ равны. Ты не будешь имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что я считаю тебя не иначе, какъ равнымъ себѣ, своею женою, но не слугою.

— Ты сначала выкинь изъ головы эту повелительность, а потомъ я соглашусь быть твоею женою. Теперь мы дружны только потому, что отношенія наши скрѣплены не обязательствами, а личнымъ угожденіемъ другъ

другу. Попробуй съ тобою обвѣнчаться, ты сейчасъ скажешь: жена вышла изъ повиновенія. А это рабство. Теперь я могу уйти отъ тебя, тогда ты имѣлъ бы право потребовать меня съ полиціею.

— Ты опять свое. Это не женская философія. Женщина создана для любви, а ты...»

— Ты напрашиваешься, чтобы я начала говорить о любви къ тебѣ, такъ вотъ не дождешься же. Зачѣмъ ты сегодня рано возвратился изъ театра? Чай не готовъ, потому что ты сказалъ, что идешь въ театръ, я и отложила пить чай до окончанія спектакля. На что тебѣ дощечка отъ сигарнаго ящика? сказала она.

— А вотъ увидишь сама послѣ, я сейчасъ пойду достану ее.

Подожди, остановила его Екатерина Алексѣевна, я поищу.

Дощечка была найдена и Аксаковичъ началъ дѣлать изъ нея маленькій столикъ о трехъ ножкахъ.

Со времени своего пребыванія у инженера, онъ никогда не занимался спиритизмомъ и не говорилъ больше о немъ. Не будь этой встрѣчи, не будь онъ на лекціи Менделѣева, онъ можетъ быть и не подумалъ бы заняться спиритизмомъ. Но послѣдній разговоръ навелъ его на мысль, которую онъ имѣлъ шесть лѣтъ тому назадъ, когда былъ у инженера,—изслѣдовать этотъ вопросъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, чѣмъ можно объяснить тѣ явленія, которыя онъ видѣлъ у инженера, въ которыхъ самъ участвовалъ и которыя для него были слишкомъ очевидны, чтобы не вѣрить имъ? Къ этому давнишнему желанію примѣшалась еще новая мысль—показать явленіе это когда нибудь Менделѣевичу, для того, чтобы онъ не думалъ объ Аксаковичѣ, какъ о заблудившейся овцѣ.

Сдѣлавъ столъ, онъ попросилъ Екатерину Алексѣевну положить на него руки и самъ положилъ свои. Столъ

долго не двигался. Екатерина Алексѣвна трунила надъ этимъ, но не въ силахъ была отказать ему въ удовольствіи сдѣлать то, что онъ хочетъ, т. е. держать руки на столикѣ. Черезъ полчаса столъ началъ двигаться. Екатерина Алексѣевна сначала предположила, что его двигаетъ Аксаковичъ, но когда тотъ отвѣтилъ на это предположеніе отрицательно, у нея не мелькнуло и тѣни недовѣрія. Она всегда вѣрила его слову, и теперь смотрѣла на движеніе столика, какъ на что-то необыкновенное, до сихъ поръ ею невиданное, непонятное. Столъ началъ двигаться шибче и, наконецъ, началъ выводить сначала каракули, потомъ слова, изъ которыхъ послѣ сложилась рѣчь. «Онъ честный человѣкъ», писалъ столикъ.

Оба они не понимали значенія этихъ словъ.

— Должно быть, сказала Екатерина Алексѣевна, ты съ кѣмъ нибудь видѣлся сейчасъ, ну и велъ какой нибудь серьезный разговоръ. Вотъ столъ тебѣ и пишетъ, что онъ честный человѣкъ. Я тебѣ признаюсь, что когда ты въ первый разъ явился на хуторъ, я видѣла во снѣ эти самыя слова «онъ честный человѣкъ», которыя повторялись нѣсколько разъ. Изъ за этого, признаться сказать, я и перемѣнила мнѣніе, которое составила о тебѣ въ первый вечеръ, далеко не въ твою пользу.

— Да, я точно встрѣтилъ человѣка, котораго знаю за честную личность.

Столъ не писалъ ничего, кромѣ тѣхъ же словъ.

Они ограничились на первый разъ этимъ сеансомъ.

VII.

Менделѣевичъ, по выходѣ изъ петербургскаго комерческаго училища, сейчасъ же отправился съ отцомъ заграницу. Отецъ его былъ богатый человѣкъ и хотѣлъ,

чтобы сынъ довершилъ образованіе заграницею. Но образованіе это онъ понималъ по своему.

Что ему читать книги, да слушать лекціи, будетъ съ него; онъ уже много начитался и наслушался въ комерческомъ училищѣ. Ему надо поучиться практической дѣятельности, чему нибудь на фабрикѣ. Пусть онъ лучше поприсмотрится, какъ люди дѣла ведутъ. Это будетъ пригоднѣе для практическаго человѣка. Разсуждая такимъ образомъ, отецъ отдалъ сына на какую-то фабрику въ Германіи. Директоръ фабрики сказалъ, что для того, чтобы присмотрѣться къ дѣлу, ему надо тамъ, по меньшей мѣрѣ, жить года два, и за то, что директоръ будетъ разъяснять ему дѣло, онъ проситъ 600 талеровъ, по 300 въ годъ. Отецъ вынулъ 600 талеровъ, заплатилъ за оба года впередъ, съ тою мыслью, чтобы нѣмецъ, не сомнѣваясь уже въ полученіи денегъ, займется съ сыномъ прилежнѣе. Менделѣевичъ остался на фабрикѣ, а отецъ воротился въ Петербургъ. Черезъ годъ отецъ посѣтилъ сына и узналъ, что сынокъ его одѣвается въ блузу и работаетъ наравнѣ со всѣми рабочими. Это взорвало его самолюбіе. Какъ директоръ ни объяснялъ отцу, что выучиться практическому дѣлу можно только когда поработаешь самъ, оскорбленный отецъ понялъ это по своему. «Какъ это нѣмецъ, вдругъ, взявши деньги за два года впередъ, заставляетъ его работать. Мой сынъ на нѣмца работать не будетъ», сказалъ онъ сыну и привезъ его обратно въ Петербургъ, гдѣ у него было много знакомыхъ. Такъ какъ торговлею завѣдовали уже старшіе братья, и Менделѣевичъ при торговлѣ не особенно былъ нуженъ, то отецъ помѣстилъ его бухгалтеромъ въ одномъ изъ частныхъ петербургскихъ банковъ.

Здѣсь мы и застаемъ его въ началѣ нашего разсказа.

VIII.

Прошло уже нѣсколько дней со времени встрѣчи Менделѣевича съ Аксаковичемъ. Въ это время послѣдній занимался писаніемъ стола, съ намѣреніемъ показать это явленіе «во очію» Менделѣевичу и убѣдить его въ своей правотѣ, а тотъ съ своей стороны, просматривая получаемыя въ банкѣ газеты, отмѣчалъ все, что говорилось въ нихъ противъ спиритизма, съ намѣреніемъ показать все это пріятелю и доказавъ ему всю пустоту спиритизма, спасти, такимъ образомъ, отъ заблужденія, если только онъ, въ самомъ дѣлѣ, рехнулся и вѣритъ въ спиритизмъ. Менделѣевичъ допускалъ уже мысль, что пріятель подшутилъ надъ нимъ, что не можетъ быть, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, такой умный человѣкъ, какимъ всегда зналъ онъ друга, могъ стать на сторону спиритизма. Это казалось ему невѣроятнымъ. Одинъ разъ Менделѣевичъ просматривая газеты прочелъ между прочимъ, прощальное слово бухгалтера Ф. Б. умершему въ общественномъ мнѣніи бухгалтеру Э. Б. Въ словѣ вспоминалось, что «покойный» самъ вызвался принести себя на жертву публичнаго состязанія и, «до самой своей кончины въ общественномъ мнѣніи, не понималъ, какъ мѣтко онъ разрисовалъ свое ближайшее будущее, т. е. какъ ему и «пришлось пасть жертвою на славу грядущей русской тройной системы счетоводства».

Слово оканчивалось такъ:

«Прохожій, остановись! Миръ праху заживо погребеннаго».

У Менделѣевича мелькнула мысль: вотъ бы вызвать духъ бухгалтера заживо погребеннаго? У него шевельнулось желаніе, поскорѣе увидѣться съ пріятелемъ и онъ тщательно спряталъ этотъ нумеръ газеты.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Менделѣевичъ

отправился въ Маріинскій театръ. Аксаковичъ былъ въ этотъ вечеръ тамъ же. Шла «Рогнѣда». Оба пріятеля, сидѣвшіе, впрочемъ, въ разныхъ рядахъ, заняты были мыслью другъ о другѣ: одинъ думалъ про столикъ, который уже началъ писать довольно быстро, другой не оставлялъ мысленно находившійся при немъ въ карманѣ нумеръ газеты.

— Пойдемъ вмѣстѣ отсюда, сказалъ Менделѣевичъ въ антрактѣ, — намъ по дорогѣ, или ты можетъ быть поѣдешь?

— Нѣтъ, я охотно пройдусь.

По окончаніи театра, пріятели пошли вмѣстѣ. Они перешли Поцѣлуевъ мостъ, миновали уже нѣмецкую кирку, а все еще никто изъ нихъ не хотѣлъ поднимать разговора о спиритизмѣ. Они знали, что неделикатно каждому заговорить о томъ, что можетъ раздражить другого.

Такъ они дошли до угла Гороховой.

— Зайдемъ вмѣстѣ, сказалъ Менделѣевичъ, у котораго шевелилась въ карманѣ газета, закусимъ что нибудь въ ресторанѣ, я проголодался.

— Зайдемъ, сказалъ пріятель. Они вошли въ уединенный ресторанъ въ Кирпичномъ переулкѣ.

— Человѣкъ, сказалъ Менделѣевичъ, дай-ка намъ спиритизму, да столовую карту.

При словѣ «спиритизмъ» Аксаковичъ улыбнулся. «Что-то,» подумалъ онъ, «скажетъ пріятель, когда увидитъ мой столикъ. А надо будетъ пригласить его посмотрѣть».

— Послушай, сказалъ Менделѣевичъ, вотъ ты занимаешься спиритизмомъ, скажи на милость, тутъ недавно похоронили живого бухгалтера, нельзя ли вызвать его духъ?

— Какъ похоронили живого?

— Да очень просто.

Менделѣевичъ вынулъ газету и прочелъ ее.

Человѣкъ въ это время подалъ водку.

— Примемъ-ка мы сначала по порціи спиритизма, сказалъ Менделѣевичъ—наливая рюмку водки.

— Это ужъ черезъ чуръ реально, обидѣлся Аксаковичъ, уже раздражившійся при чтеніи газеты. Это не возможно. Это кощунство.

— Реальный спиритизмъ, сказалъ Менделѣевичъ.

— Это слишкомъ, отвѣчалъ Аксаковичъ окончательно обидѣвшись, я этого отъ тебя не ждалъ! И съ этимъ словомъ онъ взялъ шапку и вышелъ, не дотронувшись до водки.

Менделѣевичъ опомнился уже, когда товарищъ ушелъ. Сначала онъ думалъ, что Аксаковичъ воротится, но прошло нѣсколько минутъ. Онъ вышелъ въ прихожую, спросилъ, гдѣ господинъ, который взошелъ съ нимъ. Ему отвѣтили, что онъ ушелъ. Менделѣевичъ разсчитавшись, надѣлъ пальто и вышелъ.

Онъ хотя и не допускалъ, чтобы Аксаковичъ серьезно разсердился на него, но во всякомъ случаѣ понималъ, что пошутилъ неделикатно. Ему не хотѣлось оставить Аксаковича подъ такимъ непріятнымъ впечатлѣніемъ, не хотѣлось, чтобы тотъ составилъ о немъ мнѣніе, какъ о человѣкѣ, способномъ на одно глумленіе. Подъ такимъ впечатлѣніемъ Менделѣевичъ направился въ сторону, гдѣ жилъ Аксаковичъ. Онъ разсчитывалъ еще догнать его, зная его квартиру, хотя ни разу у него не былъ.

— Воротился Аксаковичъ изъ театра? спросилъ онъ, дворника, подойдя къ дому.

— А вотъ они сію секунду изволили пройдти, сказалъ дворникъ. Вы еще ихъ догоните на лѣстницѣ.

Поднявшись на лѣстницу онъ увидѣлъ, что передъ нимъ растворяется дверь.

— Я тебя догоняю, заговорилъ онъ, и съ этими словами вошелъ въ прихожую. Не сердись, пожалуйста, за глупую шутку, я никакъ не предполагалъ, что это можетъ тебя такъ растревожить.

— Пойдемъ въ комнату, пригласилъ Аксаковичъ, обрадовавшись чуть не потерянному было случаю — показать ему столикъ.

Самоваръ стоялъ уже на столѣ. Хозяинъ представилъ гостя Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и они усѣлись за чай.

— Чтобы съ тобою поквитаться, сказалъ Аксаковичъ, ты долженъ посмотрѣть послѣ чая спиритическій столикъ. Вѣдь я просмотрѣлъ твою газету и выслушалъ твой реальный спиритизмъ.

— Посмотримъ классическій спиритизмъ, прибавилъ шутя Менделѣевичъ, и думая про себя: увидимъ, вызоветъ ли столикъ духъ бухгалтера заживо погребеннаго, и что то духъ разскажетъ про свою милую двойную и ненавистную ему тройную систему?

Имѣя эту мысль, Менделѣевичъ началъ съ интересомъ слѣдить за столикомъ, когда Екатерина Алексѣевна и Аксаковичъ послѣ чая усѣлись за него и попросили духа отвѣтить на неизвѣстный имъ вопросъ Менделѣевича. Столикъ началъ двигаться.

(Продолженіе будетъ).

И. З. Залѣсовичъ.

ОБРѢЗАННЫЙ ЯЗЫКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Я ѣхалъ изъ Сызрани на Моршанскъ, по желѣзной дорогѣ, въ вагонѣ третьяго класса. Ближайшими спутниками моими по вагону было нѣсколько пожилыхъ лѣтъ торговцовъ и между ними одинъ молодой человѣкъ, брюнетъ, лѣтъ двадцати семи, съ открытой красивой русской физіономіей, носившей выраженіе доброты и честности. Симпатичное лицо его было блѣдно и задумчиво, какъ будто молодой человѣкъ недавно перенесъ тяжкую болѣзнь, или сильное горе.

На одной изъ станцій со мною случилось маленькое происшествіе: я потерялъ кошелекъ съ деньгами. Спутники мои тотчасъ приняли во мнѣ живѣйшее участіе, начали обыскивать вагонъ и кошелекъ отыскался около выходной двери. Тѣмъ дѣло и кончилось но по поводу этого происшествія завязался разговоръ о разныхъ желѣзнодорожныхъ приключеніяхъ, а далѣе свернулъ на любимую тэму купцовъ о мошенникахъ и жуликахъ. Москва доставила обильный матерьялъ для подобныхъ разсказовъ. Каждый разсказывалъ то тотъ, то другой случай надувательства его въ нашей первопрестольной столицѣ. Одинъ лишь молодой человѣкъ не принималъ участія въ общемъ разговорѣ и хранилъ упорное молчаніе.

Заитересованный печальнымъ выраженіемъ его наружности, я рѣшился обратиться къ нему съ вопросомъ:

— А вы бывали въ Москвѣ?

— Какже,—отвѣчалъ онъ со вздохомъ.

— Ну, и что же?... Помиловалъ Господь?...

— Нѣтъ съ, покаралъ... возразилъ молодой человѣкъ,— и покаралъ такъ-съ, что сдѣлался я несчастнымъ на всю жизнь... Всего лишился... Батракомъ теперь состою... Со мною въ Москвѣ случай былъ почище, чѣмъ со всѣми ими, — прибавилъ онъ, кивнувъ головою на другихъ спутниковъ.

— Что же такое?... Разскажите пожалуйста, — попросилъ я.

— Эхъ! и разсказывать-то горько,—замѣтилъ молодой человѣкъ и замолчалъ, но чрезъ нѣсколько минутъ паузы, осмотрѣвъ для чего-то свои сапоги, началъ:

«Вотъ какая со мною случилась оказія.

Два года тому назадъ состоялъ я, значитъ, не то прикащикомъ, не то бухгалтеромъ по хлѣбной части въ С-нѣ, у купца Птицына. Жалованье я хотя и получалъ махонькое, пятнадцать монетъ *) въ мѣсяцъ, одначе, живши на всемъ хозяйскомъ, такъ справлялся, что и маменькѣ помогалъ, и отъ податей завсегда былъ чистъ... Даже маленькій запасецъ былъ. Думалось на этотъ запасецъ поправить домишко, да завести на первыхъ порахъ какую-нибудь лавчонку; потому собственно, что въ это время у меня была на примѣтѣ невѣста, мѣщанская дѣвица. Крѣпко она мнѣ по душѣ приходилась и родители ея были согласны отдать ее за меня и обѣщали сотни полторы приданаго. Такъ-то думалось пожить въ свое удовольствіе, какъ живутъ православные христіане, анъ случилось иначе. Справедлива пословица «не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ». Однажды по осени

*) Рублей.

призываетъ меня Птицынъ къ себѣ и наказываетъ ѣхать по комерціи въ Москву, за разными тамъ покупками и оборотами. При чемъ, какъ на грѣхъ, велитъ мнѣ: «если, говоритъ, Михайло, будетъ тебѣ какое подходящее дѣло, значитъ на счетъ сала или пеньки, то ты по телеграфу извѣсти, а я отъ себя пошлю тожь депешу къ московскому купцу Жидареву,—живетъ на Арбатѣ въ собственномъ домѣ, — чтобы выдалъ тебѣ сотъ до пяти. Жидаревъ, говоритъ, мнѣ долженъ». Ладно. Въ Москвѣ мнѣ случалось не разъ бывать съ своимъ хозяиномъ, но этого Жидарева я никогда и въ глаза не видывалъ. Ну-съ! Ѣду это я по хозяйскому порученію въ Москву. Въ Рязани подсаживается ко мнѣ, такъ себѣ, кто его знаетъ кто такой: не то изъ нашего брата, прикащикъ или бухгалтеръ, не то изъ благородной мелкоты. Одѣтъ бѣдно: въ старомъ пальтишкѣ, въ картузѣ и въ длинныхъ сапогахъ. Шустрый такой и въ рукахъ у него гармонія. Презанятно играетъ, а я эту самую музыку смерть люблю!.. Разговорились. Спрашиваю: куда ѣдетъ?—«Ѣду я, говоритъ, изъ далека, изъ Ростова въ Москву хлопотать по бумагамъ получить деньги, да и пристроиться тамъ, но не знаю,—сказываетъ,—какъ мнѣ быть...

— Что такъ? опять его спрашиваю.

— Да несчастье,—говоритъ,—дорогою со мною случилось: обронилъ деньги, а можетъ кто и вытащилъ. Вѣрите, третій день маковой росинки во рту не было... Спасибо, хоть билета не потерялъ. Такъ голодухой и прусь въ Москву, да тамъ еще придется нѣсколько денньковъ просидѣть голоднымъ, пока получу деньги. Какъ пріѣдешь, сейчасъ всего не устроишь... Думалъ гармонію продать, два съ полтиной стоитъ,—никто не покупаетъ...

— А въ Москвѣ, допрежъ, бывали?

— Нѣтъ, говоритъ,—не бывалъ. И гдѣ ночевать - не знаю.

Дальше разговорились мы больше. Стало мнѣ жалко

пареньва, какъ онъ будетъ маяться. Возьму, думаю, его къ себѣ. Все равно, черезъ хозяйскія вещи мнѣ безпремѣнно нужно нанять какой ни на есть нумеръ?... Не помѣшаетъ. Авось не объѣстъ. Будемъ дѣлиться пополамъ, чѣмъ Богъ пошлетъ, пока онъ не пристроится, или пока я проживу въ Москвѣ. И точно, по пріѣздѣ зазвалъ его въ свою квартиру, — у малаго даже отъ радости глаза блеснули. Назвался онъ Василіемъ Ивановымъ. Паспорты мы свои не прописывали, а потому доподлинности, кто онъ такой и какъ его зовутъ, не знаю. Прожилъ у меня Василій Ивановъ дня три, а на четвертый сгинулъ и больше его я уже не видалъ. Да когда онъ и жилъ-то у меня, и тогда онъ, какъ утро, сейчасъ же уйдетъ со двора и возвращается поздненько вечеромъ. Дурного я за нимъ ничего не замѣчалъ, окромя того, что крѣпко онъ былъ любопытенъ, все выспрашиваетъ да выспрашиваетъ, а о себѣ ничего не говоритъ. Послѣ ухода Василія, я еще по хозяйскимъ дѣламъ прожилъ въ Москвѣ сутокъ двое, а затѣмъ отправился назадъ въ С—нъ. У Жидарева я не былъ, такъ какъ подходящей покупки не было, и я къ своему хозяину депеши не посылалъ.

Пріѣзжаю въ С—нъ, являюсь къ Птицыну и докладываю ему о дѣлахъ.

Птицынъ всѣмъ остался доволенъ; какъ, вдругъ, напослѣдокъ, спрашиваетъ меня:

— А что же ты ничего не говоришь про пятьсотъ рублей, что вытребовалъ отъ меня?

— Про какіе,—говорю,—Матвѣй Петровичъ, пятьсотъ рублей?

— Какъ,—говоритъ,—про какіе?... Что получилъ отъ Жидарева?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я не токмо не получалъ отъ Жидарева денегъ, но и не видалъ его въ глаза.

Птицынъ такъ на меня и уставился.

— Что ты?... съ ума сошелъ?... Не ты ли ко мнѣ,

мерзавецъ, говоритъ, прислалъ телеграму, что есть подходящее дѣло и чтобы я телеграфировалъ къ Жидареву выдать тебѣ деньги?

— Послушайте,— отвѣчаю,—Матвѣй Петровичъ, никакой такой телеграмы я къ вашей милости не посылалъ...

— Какъ же не посылалъ, когда у меня и телеграма твоя цѣла и отъ Жидарева я уже получилъ отвѣтъ о выдачѣ тебѣ денегъ подъ твою росписку?

Я и ротъ разинулъ, и руки у меня опустились. Божусь, клянусь, что знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю... Куда тебѣ!... Птицынъ и слушать не хочетъ. Разсвирѣпѣлъ весь, грозитъ острогомъ, пошелъ за полиціей. Бѣда, что было!...—Черезъ часъ по своемъ пріѣздѣ въ С—нъ я уже сидѣлъ въ части, словно какой нибудь воръ, или мошенникъ...

— Чѣмъ же кончилось дѣло? — спросилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

— Да чѣмъ? грустно отвѣчалъ молодой прикащикъ.— Сижу это въ части и стою на своемъ, что ничего не знаю. Тѣмъ временемъ Птицынъ списался съ Жидаревымъ и вытребовалъ мою росписку. Она оказалась написана не моею рукою и, кромѣ того, самъ Жидаревъ писалъ, что къ нему приходилъ русый малый, а я черноглазый. Думаю, что всѣ эти штуки подстроилъ Василій Ивановъ: больше некому. Сидя въ части, я вспомнилъ, что говорилъ ему объ этихъ проклятыхъ пятистахъ рубляхъ!... Вотъ онъ значитъ, пошелъ да и подалъ отъ меня хозяину депешу. Кто его знаетъ, можетъ, и паспортъ мой прихватилъ тогда на время. Я его не остерегался и паспортъ лежалъ себѣ свободно. А далѣе сходилъ и къ Жидареву получить деньги. Изъ телеграфной же депеши не видно, кто именно писалъ ее: я ли Михайла Гуровъ, или первый встрѣчный, потому собственно, что депешу передаютъ значками, а далѣе ее переписываетъ телеграфъ.

— Это точно правда, — замѣтилъ купецъ въ лисьей

шубѣ.—Преопасливое дѣло эти телеграмы. Выдаешь по нимъ деньги такъ себѣ, зря. Теперича, положимъ, два жулика какъ нибудь случайно провѣдаютъ, что у меня, примѣрно,—я живу въ Москвѣ, — есть съ какимъ либо купцемъ въ Петербургѣ кредитъ и комерція. Вотъ они сговорятся между собою, да одинъ изъ нихъ изъ Петербурга и пришлетъ ко мнѣ, въ Москву, телеграму о выдачѣ денегъ такому то Петрову, значитъ своему товарищу, а ему на полученіе съ меня денегъ. Тотъ пожалуй и настоящій документъ представитъ, что онъ подлинно Петровъ. Ищи тогда вѣтра въ полѣ. Въ телеграмѣ же было сказано, чтобы деньги были выданы немедленно по экстренному дѣлу. А въ самомъ дѣлѣ, почемъ я знаю, писалъ ли депешу собственноручно тотъ купецъ, съ которымъ у меня комерція, или кто съ вѣтру. Да, нашему торговому люду нужно бы объ эфтомъ предметѣ подумать. Впрочемъ, говорятъ, что уже выходятъ такія депеши, что, значитъ, видно, кто оную писалъ. Извини, милый, что я перебилъ тебя,—обратился купецъ къ Михайлѣ и попросилъ его продолжать.

— «Заѣло меня совсѣмъ это дѣло»—началъ вновь Михайла.—«Просидѣлъ я въ части недѣли двѣ. На третью зоветъ меня къ себѣ Птицынъ. Представили меня къ нему за конвоемъ. Дѣла къ судебному слѣдователю еще не передавали.—«Слушай, Михайла,—говоритъ мнѣ Птицынъ. Росписка Жидареву написана не твоею рукою. Это вѣрно. Можетъ быть и не ты подавалъ ко мнѣ телеграму, кто тебя знаетъ. Но ты не радуйся!... Сибири тебѣ не миновать: я, говоритъ, говорилъ съ слѣдователями и съ разными адвокатами. Пятьсотъ рублей твоихъ рукъ не минули, не ты самъ, такъ кто нибудь другой получилъ ихъ по твоему наущенію. Самъ ты посуди, ты малый не глупый: кто могъ знать о нашемъ разговорѣ съ тобою, чтобы ты прислалъ мнѣ телеграму, коли этотъ разговоръ происходилъ безъ свидѣтелей?:.. Кто зналъ,

что ты, Михайла Гуровъ, уѣхалъ въ Москву, и тамъ мнѣ Жидаревъ долженъ деньги?... Вѣдь ты велъ у меня разсчетныя книги, и счетъ съ Жидаревымъ знаешь только ты. Вѣдь это все улики... Не отвертишься любезный». Я разсказалъ хозяину о встрѣчѣ на желѣзной дорогѣ съ Василіемъ Ивановымъ и о своемъ подозрѣніи на него.

— Сказки это все, — отвѣчалъ Матвѣй Петровичъ... Гдѣ тебѣ отыскать этого Василія Иванова. Да и кто повѣритъ-то тебѣ?. Не отговаривайся! Вѣрь моему слову, изгніешь ты по острогамъ, да на каторгѣ въ Сибири. Жалко мнѣ тебя, вотъ что... Лучше послушай-ка моего совѣта. Такъ и быть, вину твою я прощаю. По моей просьбѣ частный приставъ еще не передавалъ твоего дѣла къ слѣдователю, я упрошу и совсѣмъ не передавать, если ты по совѣсти разочтешься со мною... А то пропадешь...

— Чѣмъ же я, говорю, Матвѣй Петровичъ, разочтусь съ вами?... Денегъ вашихъ я не бралъ, а достатки наши вамъ извѣстны.

— Бралъ ли ты, нѣтъ ли, или задѣлъ куда, а можетъ и прокутилъ въ Москвѣ, я не спрашиваю... Богу дашь отвѣтъ за это. Но мнѣ же не терять напрасно имущества... Какъ разочтемся? Да вотъ какъ: у меня зажитыхъ тобою есть сто рублей, да годика два съ половиною у меня прослужишь, вотъ и будемъ квиты... Сейчасъ денегъ отъ тебя не требую. Дай обязательство и квитъ. Тотчасъ же ты будешь выпущенъ на волю.

— Дайте, Матвѣй Петровичъ,—прошу,—хоть денекъ подумать... Не виноватъ я ни въ чемъ, видитъ Богъ, не виноватъ...

— Думай-то ты, думай, да не раздумывай!... Эй, Михайла! придется раскаяваться горькими...

Въ вечеру ко мнѣ въ часть пришла мать. Обливается вся, голоситъ; боится, какъ бы я въ Сибирь не угодилъ, и проситъ покориться хозяйской волѣ.

Дѣлать было нечего, я согласился. Ну и киснулъ въ кабалѣ два съ половиною года... Мѣсяца съ два, какъ только изъ кабалы вышелъ. Все пошло прахомъ. Домъ непоправленный совсѣмъ обвалился, въ городѣ обо мнѣ пошла дурная слава, иной чуть не въ глаза называетъ мошенникомъ и не вѣритъ моему несчастію. Невѣсты лишился, отецъ отдалъ ее силою за другого...

— А все, паренекъ, ты самъ виноватъ таки много,— отозвался словоохотливый купецъ въ лисьей шубѣ.

— Чѣмъ же?...

— Тѣмъ... Лиходѣй-то тебѣ встрѣтился, точно лиходѣй, и опять на счетъ депешъ,—дѣйствительно не порядокъ; да слѣдовало бы тебѣ объ эфтомъ молчать! Тогда бы и горя никакого не было. Хорошій прикащикъ, а тѣмъ болѣе который ведетъ книги, никогда не станетъ про хозяйскія дѣла всякому встрѣчному болтать на дорогѣ. Ну, и пеняй на себя!... Нельзя же, чтобы хозяйскія деньги, да еще пятьсотъ рублевъ невзначай улизнули... Ну вотъ у тебя твой языкъ и обрѣзали.

А. Шкляревскій.

Счетоводство какъ наука и какъ навыкъ.

Говорятъ, что счетоводству учитъ не школа, а практика, и что не практики научаются въ школѣ, а напротивъ того, ученики, по выходѣ изъ школы, учатся у практиковъ.

Такой упрекъ школѣ заслуживаетъ вниманія, въ особенности въ настоящее время, когда, съ открытіемъ, въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, комерческихъ отдѣленій, введено въ курсы преподаваніе и счетоводства, и когда на реальныя училища возложена весьма серьезная задача — подготовлять будущихъ счетоводовъ.

Въ интересахъ преподавателей реальныхъ училищъ лежитъ—снять подобный упрекъ со школы и поставить преподаваніе счетоводства на такую высокую степень, чтобы не ученики реальныхъ училищъ переучивались у практиковъ, а наоборотъ, чтобы практики учились у учениковъ реальныхъ училищъ.

Ясно уже изъ самаго содержанія упрека о существованіи въ обществѣ понятія о какихъ то различныхъ двухъ счетоводствахъ: о счетоводствѣ *практики*, которому *«навыкаютъ»* на практикѣ, и о счетоводствѣ школы, которому *«научаются»*. Практическое счетоводство находится въ рукахъ людей, *навыкшихъ* къ счетоводству, между тѣмъ какъ школьное—въ рукахъ людей *учившихся*.

Очевидно, что если изслѣдовать и отыскать разницу

между счетоводствомъ практики или, такъ сказать, счетоводствомъ *навыка*, и счетоводствомъ школы или счетоводствомъ *науки*, если выяснить эти два вида счетоводства, то, въ этомъ случаѣ, школа можетъ внести въ предметъ преподаванія то, чего не достаетъ ей, и этимъ путемъ пополнить пробѣлъ въ преподаваніи и поставить учениковъ реальныхъ училищъ на такую степень знанія, чтобы не они переучивались у практиковъ, а практики у нихъ *)

Какое же счетоводство можетъ быть названо счетоводствомъ *навыка* и какое—счетоводствомъ *науки*?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо прежде всего изслѣдовать историческое развитіе счетоводства. Затѣмъ, необходимо сличить между собою два руководства, изъ которыхъ въ одномъ преобладаетъ счетоводство навыка; въ другомъ, напротивъ того, счетоводство науки. Наконецъ, можно сопоставить разныя мнѣнія о счетоводствѣ, изъ которыхъ одно относится къ счетоводству чистаго навыка, другое—къ счетоводству чисто научному.

Разсмотримъ все это по порядку.

1) *Историческое развитіе системъ счетоводства.* Въ историческомъ развитіи счетоводства мы встрѣчаемъ прежде всего, что въ первобытномъ состояніи люди ограничивались простымъ перечетомъ своего имущества. Такъ, еще древніе патріархи, желая знать свои стада, прибѣгали къ перечету ихъ, и говорили: стадо «умножися», если при перечетѣ оказывалось болѣе того, сколько было, и наоборотъ, стадо «уменьшися», если при перечетѣ оказывалось менѣе того, сколько насчитано было прежде. Отъ такого порядка унаслѣдована нами инвентарная книга, которая есть ни болѣе, ни менѣе, какъ опись нашего

---

*) Авторъ не имѣетъ здѣсь въ виду навыкъ къ труду. Навыкъ необходимъ не въ одномъ счетоводствѣ, но въ каждомъ дѣлѣ. Можно сдѣлаться трудолюбивымъ и въ школѣ, можно втянуться въ трудъ, во всякомъ дѣлѣ и во всякомъ мѣстѣ; рѣчь идетъ не о привычкѣ трудиться, а о недостаткѣ въ школѣ практичныхъ свѣдѣній.

состоянія, представляющая съ первобытнымъ перечетомъ лишь ту разницу, что въ письменномъ счетоводствѣ, при составленіи инвентаря, цѣнности переписываются на бумагу, переоцѣниваются и выражаются въ денежныхъ единицахъ. Впослѣдствіи, съ появленіемъ кредита и съ развитіемъ торговыхъ оборотовъ, начали являться періодическія записи этихъ оборотовъ. Такъ, первоначально явились записи долговъ, которыя велись прежде на двухъ дощечкахъ или на пергаментахъ, изъ коихъ на одной сторонѣ записывалось, сколько намъ должны, а на другой—сколько мы должны. Рядомъ съ этими начали записывать и другія цѣнности. Такъ, явились книги: кассовая, товарная; съ появленіемъ же акцій, фондовъ, векселей—книги: акціонная, билетовъ и облигацій, вексельная и другія *).

Въ этомъ первоначальномъ видѣ счетоводства, которое передается и въ наше время подъ названіемъ простой системы, всѣ частныя формы его создаются безъ особыхъ научныхъ пріемовъ, чисто по индивидуальнымъ взглядамъ человѣка. Каждый создаетъ здѣсь форму, соотвѣтствующую его личнымъ взглядамъ и воззрѣніямъ. Веденіе счетоводства по этимъ формамъ дается лишь вслѣдствіе *простого навыка*, *такъ какъ въ этихъ формахъ не вложено еще*, какъ мы увидимъ ниже, *никакого научнаго правила*, которое дало бы имъ опредѣленное разъясненіе и толкованіе.

Мало по малу количество счетоводныхъ книгъ начало увеличиваться. Для того, чтобы составить изъ этихъ книгъ

*) Первобытный видъ счетоводства можно замѣтить и въ наше время у торговцевъ-разнощиковъ, которые, пересчитывая отъ времени до времени наличныя деньги и остатки товара, судятъ по оказавшейся наличности о прибыльности торга. Первоначальныя же затѣмъ формы счетоводства также можно замѣтить на биркахъ, въ записяхъ на стѣнахъ и. т. п. поселянъ, имѣющихъ то же назначеніе—знать разсчеты съ должниками, заимодавцами, заказчиками, рабочими, и видѣть наличные остатки долговъ и разныхъ цѣнностей.

какіе нибудь выводы, создавались каждый разъ новыя формы, въ которыя выбирались изъ остальныхъ книгъ требуемыя для извѣстныхъ соображеній цифры. Съ накопленіемъ такимъ образомъ разнородныхъ формъ, начали чувствовать необходимость въ повѣркѣ ихъ. Между тѣмъ повѣрка такого счетоводства могла быть сдѣлана только посредствомъ сличенія одной книги съ другою, т. е. способомъ, которому можно дать названіе: *«коректурный способъ повѣрки»*. Ясно, что при коректурномъ способѣ повѣрки открытіе ошибокъ въ счетоводныхъ книгахъ становилось въ зависимость отъ сосредоточенности вниманія, отъ силы зрѣнія, отъ знанія, способности и добросовѣстности лицъ, дѣлающихъ такимъ путемъ повѣрку. Но, если только вниманіе будетъ развлечено, зрѣніе утомлено, незамѣтно для насъ самихъ, или если человѣкъ не имѣетъ знанія или способности, то въ этомъ случаѣ, ошибки могутъ оставаться неоткрытыми. Недостаточность коректурнаго способа повѣрки можно видѣть и на опечаткахъ, встрѣчаемыхъ въ печатныхъ сочиненіяхъ, и являющихся чисто вслѣдствіе того, что у коректора вниманіе и зрѣніе, можетъ бы незамѣтно для него самого, утомлены, или же, что онъ, въ силу своей разсѣянности, не можетъ сосредоточить свое вниманіе на каждой печатной буквѣ. Недостаточность такого способа повѣрки сознана была еще четыре вѣка тому назадъ, и особенно она сдѣлалась чувствительною въ то время, когда торговля въ XV вѣкѣ начала развиваться и принимать широкіе размѣры. Въ это то время одинъ изъ ученыхъ, именно монахъ Пачіоло, занимался переводомъ съ арабскаго языка математическихъ наукъ. Къ нему то, какъ къ ученому, обратились купцы за рѣшеніемъ затрудненій, встрѣчаемыхъ ими при веденіи и въ особенности при повѣркѣ ихъ счетоводства.

Чтобы объяснить себѣ, какимъ образомъ Пачіоло нашелся рѣшить эту задачу, необходимо сказать, что при

всемъ разнообразіи формъ счетоводныхъ, выработалось уже понятіе, замѣчаемое нами еще на первоначальныхъ дощечкахъ — группировать суммы — особо приходныя и особо расходныя, и располагать ихъ въ видѣ двухсторонних счетовъ — на одной сторонѣ приходъ, на другой—расходъ. Монахъ Пачіоло, подмѣтивъ существовавшее уже понятіе о двухстороннемъ расположеніи счетовъ и занимаясь уравненіями, задался такою мыслью, что если записывать *всѣ*, безъ исключенія, дѣла по два раза, то они дадутъ въ сложеніи два равныхъ итога,— по одному на каждой страницѣ, и по нимъ то и можно будетъ судить о вѣрности счетоводства, т. е. въ случаѣ, если этихъ двухъ равныхъ величинъ не получилось бы, это указывало на несомнѣнное существованіе ошибки: на одну изъ страницъ попала не та сумма, которая слѣдовала. Но такъ какъ часто въ самыхъ дѣлахъ не достаетъ другой стороны, напр. при внесеніи въ книги остатковъ, процентовъ и т. п., то ради полученія этого признака вѣрности пришлось дѣлать подставные счеты. Такъ явились подставные счеты баланса, капитала, прибыли и убытка и т. д. Такъ Пачіоло внесъ въ счетоводство впервые правило двойной записи ради признака вѣрности — равенства дебета и кредита. Тутъ не практика научила разумъ, а ученый научилъ практику; не онъ, Пачіоло, поучился у практиковъ, а напротивъ того, практики поучились у Пачіоло какъ путемъ выдуманныхъ подставныхъ счетовъ дойти до полученія изъ всего внутренняго содержанія своихъ книгъ двухъ равныхъ итоговъ—признака вѣрности всего труда.

Мы видимъ, что всѣ практики, желавшіе устроить свое счетоводство по двойному способу Пачіоло, должны были подчиниться этому его правилу, и въ формахъ такъ названной двойной системы замѣчается однообразіе въ расположеніи счетовъ такого рода, которое даетъ возможность получить эти двѣ равныя величины. Строй счето-

водныхъ формъ пріобрѣтаетъ уже научный характеръ, которому не школа учится у практиковъ, а на оборотъ практики у школы.

Но при выполненіи двойной записи счетоводы принуждены были примѣнить это правило только къ общимъ итогамъ, или такъ сказать къ сокращеннымъ счетамъ. Сокращеніе это явилось, въ однихъ случаяхъ, опущеніемъ въ книгахъ собственно относящихся до двойной системы (книги: главная и пробнаго баланса) — *количества* цѣнностей: въ другихъ случаяхъ — группированіемъ цифръ въ общіе счета (напримѣръ: въ одинъ общій счетъ товаровъ—всѣ товары, въ общій счетъ акцій—всѣ акціи, въ общій счетъ векселей—всѣ векселя и. т. п.). Въ третьихъ же случаяхъ, сокращеніе это проявляется еще въ томъ, что и въ эти общіе счета начали вносить суммы лишь общими мѣсячными итогами. Между тѣмъ нельзя было устранить необходимости дѣлать учетъ каждой отрасли товара особо и, вслѣдствіе этого, нельзя было обойтись безъ книгъ подробныхъ счетовъ, образовавшихся еще до Пачіоло, каковы: товарная, текущіе счета, позднѣе книга акцій, фондовъ, векселей и. т. п.

Такъ явилось два порядка счетоводства: одинъ — подробный, представляющій характеръ первоначальнаго счетоводства, къ нему относятся побочныя книги: акцій, фондовъ, товарная, вексельная, текущихъ счетовъ и т. д.; другой—сокращенный, представляющій видъ двойной системы,—выборки, журналъ, главная и балансовая книги. Первый изъ нихъ составляетъ до сихъ поръ, какъ и прежде, счетоводство, такъ сказать, навыка, гдѣ каждый счетоводъ создавалъ для себя форму по-своему взгляду, между тѣмъ, какъ другой порядокъ, сокращенный, подчинился научному правилу двойной записи.

Къ концу прошлаго столѣтія выяснилась и укрѣпилась мысль о необходимости вести двѣ различнаго рода записи — одну хронологическую, другую систематическую.

Это вытекало изъ того, что при развитіи торговыхъ оборотовъ не было времени записывать сдѣлку въ моментъ ея совершенія, прямо въ тѣ счеты, до которыхъ дѣло коснулось. Гораздо легче, въ моментъ совершенія, записать ихъ сначала на память или, какъ-бы, на-скоро, начерно, чисто механическимъ путемъ, съ тѣмъ, чтобы уже въ свободное время перенести эти обороты въ подлежащіе счеты.

Эти два различные вида записей дали англійскому счетоводу Джонесу мысль создать новыя научныя правила и новые признаки вѣрности счетоводства, состоящіе въ томъ, что всѣ суммы записываются—одинъ разъ въ хронологическомъ видѣ (дневная книга), какъ-бы на память, а другой разъ въ счеты (главная книга), и затѣмъ въ общихъ итогахъ сличаются: приходный итогъ съ приходнымъ, а расходный итогъ съ расходнымъ. Тутъ мы встрѣчаемся съ новыми признаками вѣрности счетоводства [1]). Приходный итогъ въ системѣ Джонеса не равенъ расходному и двѣ стороны счетовъ не равны между собою, какъ это мы видѣли въ двойной системѣ. Но равенство это проявляется при сравненіи хронологической книги (дневной) съ систематическими счетами (главная книга), въ томъ смыслѣ, что итогъ въ дневной книгѣ равенъ итогу въ главной, приходный — приходному, расходный — расходному. Здѣсь опять внесено въ счетоводство новое научное правило, и не практика предписывала школѣ, а напротивъ, сама она должна была подчиниться, если хотѣла примѣнить у себя признаки вѣрности Джонеса, его научнымъ пріемамъ и выполнить ихъ. Въ противномъ случаѣ, они не могли бы пользоваться выгодами его научнаго указанія.

---

[1]) Изобрѣтеніе Эдуарда Джонеса и его мысли полнѣе всего изложены на русскомъ языкѣ, въ книгѣ: англійская система торговаго счетоводства, подлинное сочиненіе изобрѣтателя этой системы Эд. Джонеса. Переводъ Ив. Юрина и И. Турченинова. Дрезденъ 1871 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Въ позднѣйшее время, съ дальнѣйшимъ развитіемъ торговыхъ оборотовъ, съ образованіемъ компаній, товариществъ, обществъ, съ цѣлью промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, внесена въ счетоводство новая потребность, потребность отчета. Отчетъ этотъ является необходимымъ, какъ въ отношеніи приказчиковъ и счетоводовъ къ своимъ хозяевамъ, такъ, въ особенности, въ отношеніи товариществъ и акціонерныхъ компаній предъ своими компаньонами, акціонерами, а въ случаяхъ банкротства, отчетность становится необходимою со стороны хозяина передъ массою своихъ кредиторовъ. Это-то новое понятіе и нѣкоторыя другія подробности, выработанныя уже позднѣйшею практикою, подали мысль, пишущему эти строки, ввести въ систему счетоводства, сверхъ бывшихъ еще во времена Джонеса хронологической и систематической записи, также и отчетную паралель, и предложить новое научное правило: три равныя величины (хронологическая, систематическая и отчетная), отъ которыхъ новая система получаетъ названіе тройной системы счетоводства.

На ряду съ этимъ возникаетъ потребность упраздненія допущенныхъ по мысли Пачіоло подставныхъ или выдуманныхъ счетовъ.

Правило монаха Пачіоло создать во чтобы то ни стало двѣ стороны—дебитора и кредитора (приходъ и расходъ), и подставлять выдуманные, гдѣ недостаетъ натуральныхъ, не можетъ быть допущено. Необходимо признать еще третью сторону, именно результатъ или уменьшенія или увеличенія капитала хозяина,—эту-то третью сторону и вводитъ въ счетоводство впервые во всей ея цѣльности тройная система.

Итакъ, путемъ историческаго изслѣдованія развитія счетоводства, мы дошли до позднѣйшаго времени и видѣли что формы, создаваемыя первоначально путемъ простого навыка, подчинялись съ теченіемъ вѣковъ научнымъ пра-

виламъ, предложеннымъ въ XV вѣкѣ ученымъ монахомъ, въ XVIII вѣкѣ англичаниномъ Джонесомъ и т. д.

Поищемъ теперь разницу между счетоводствомъ навыка и науки въ болѣе яркомъ видѣ, въ существующихъ учебникахъ.

2) *Сопоставленіе учебника о счетоводствѣ навыка съ учебникомъ о счетоводствѣ науки.* Для такого сопоставленія всего лучше можетъ служить учебникъ г. Рейнбота, старшаго преподавателя двойной системы счетоводства въ петербургскомъ комерческомъ училищѣ, въ которомъ преобладаетъ счетоводство навыка, съ русскою тройною системою, въ которой преобладаетъ счетоводство науки.

Само собою разумѣется, что здѣсь не мѣсто разсматривать различіе между двойною и тройною системами счетоводства. Для того, кто желаетъ уяснить себѣ это различіе, служатъ самыя сочиненія пишущаго эти строки: съ одной стороны—простая, двойная, англійская и другія старыя системы счетоводства, въ двухъ сводахъ—вѣрномъ и утаечномъ, одобренныя ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, для фундаментальныхъ библіотекъ реальныхъ училищъ, съ другой—о новой тройной системѣ счетоводства. Въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ проведено одно и то же счетоводство, на однѣхъ и тѣхъ же задачахъ, въ одномъ и томъ же порядкѣ, подъ одними и тѣми же нумерами счетовъ, такъ что, открывъ любой счетъ или любую задачу, сейчасъ же можно видѣть и разницу записей по простой, двойной, англійской и другимъ системамъ, съ одной стороны, и по тройной — съ другой. Сводъ утаечный помогаетъ изученію счетоводства нагляднымъ указаніемъ на слабыя мѣста, открытыя для ошибокъ и т. д.

Такое сопоставленіе различныхъ системъ между собою въ полномъ наглядномъ практическомъ счетоводствѣ, (какъ бы веденномъ на самомъ дѣлѣ въ торговомъ домѣ)

достаточно уже служитъ къ тому, чтобы сдѣлать излишнимъ дальнѣйшія разъясненія его въ журнальной статьѣ. Здѣсь мы коснемся только поставленнаго вопроса, и постараемся отличить счетоводство навыка отъ счетоводства науки. Такое разъясненіе можно сдѣлать на частныхъ примѣрахъ. Возьмемъ для такого примѣра хоть форму товарной книги въ учебникѣ г. Рейнбота и сопоставимъ ее съ формою той же самой товарной книги въ русской тройной системѣ счетоводства. Вглядитесь, читатель, въ обѣ эти формы, въ ихъ строй, въ ихъ разлиновку. Вы, напримѣръ, замѣтите въ учебникѣ Рейнбота отсутствіе цѣнъ на купленные товары, присутствіе отдѣльныхъ графъ для марокъ и т. п. Можно ли объяснить учащемуся какимъ-нибудь разумнымъ основаніемъ отсутствіе въ товарной книгѣ, хотя напр., цѣнъ?

Возьмемъ теперь форму товарной книги тройной системы. Объясняется ли въ ней научнымъ образомъ потребность особыхъ графъ для суммы денегъ, для цѣнъ и для количества предметовъ? Да, оно объясняется (теорія § 24). Объясняется ли, почему графы количества предметовъ сближены между собою; почему графа цѣнъ поставлена рядомъ съ количествомъ предметовъ, почему для графы суммы денегъ отводится ближайшее къ тексту мѣсто и т. п.? На всѣ эти вопросы преподаватель можетъ найти самыя подробныя объясненія въ теоріи русской тройной системы счетоводства (§§ 24, 25 и 26). Очевидно, что при составленіи формъ, встрѣчаемыхъ въ учебникѣ Рейнбота, критическій анализъ не участвовалъ. Формы эти кѣмъ-то, когда-то, составлены путемъ навыка и такъ перепечатаны въ учебникъ. При перепечаткѣ этихъ формъ упущены были изъ виду тѣ требованія, которыя заявляетъ практика.

Въ позднѣйшее время, самъ г. Рейнботъ, въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, за октябрь мѣсяцъ, между прочимъ заявляетъ, что «въ счетоводствѣ ошибки

могутъ быть открыты путемъ перемноженія количества купленнаго товара на цѣну». Но какъ же сдѣлать это перемноженіе, когда въ товарной книгѣ нѣтъ цѣнъ? Какъ же выполнить это практическое требованіе — повѣрки путемъ перемноженія, когда въ товарной книгѣ нѣтъ одного изъ множителей, именно — цѣнъ? Если мы желаемъ внести въ счетоводство правило — дѣлать повѣрку посредствомъ перемноженія, то для этого, прежде всего, мы должны внести въ учебникъ правило—выставлять въ товарныхъ счетахъ: во-первыхъ, множимое (количество предметовъ); во-вторыхъ, множитель (цѣны имъ); въ-третьихъ, произведеніе (сумму въ рубляхъ и копѣйкахъ), и, наконецъ, сумму отбрасываемыхъ или прибавляемыхъ мелкихъ цифръ для округленія дробей, такъ какъ съ одной стороны не возможно же вводить въ счетоводство дроби, съ другой — не урегулированное отбрасываніе ихъ устранило бы возможность повѣрки и оказалось бы неизвѣстнымъ, происходитъ ли неточность вслѣдствіе отбрасываемыхъ въ цѣнахъ дробей, которыя на крупныхъ количествахъ дѣлаютъ большую разницу, или же неточность является отъ ошибки въ помноженіяхъ. Только тогда, когда мы поставимъ такое правило, мы можемъ примѣнить къ нему способъ перемноженія и даже возвести его на степень признака вѣрности счета. Только въ этомъ случаѣ, школа можетъ разъяснить ученикамъ, для чего именно вводится въ формахъ товарныхъ счетовъ и множимое и множитель и произведеніе, т. е. и количество и цѣна и сумма и отбрасываемыя или прибавляемыя для округленія дроби, и только въ этомъ случаѣ, формы могутъ быть разъяснены учащимся научнымъ образомъ, и ученики отнесутся къ нимъ съ полнымъ сознаніемъ значенія и пользы такихъ формъ. Подобныя, выясненныя уже разумомъ, требованія счетоводства заставятъ практиковъ подчиниться этимъ требованіямъ, и тогда не ученики будутъ учиться у практиковъ такой формѣ, ко-

торая не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ и составлена когда то, какимъ-то, можетъ быть счетоводнымъ знахаремъ, а наоборотъ практики, услыша разумныя основанія учениковъ о строѣ формъ, волей-неволею должны будутъ поучиться у нихъ, у учениковъ реальныхъ училищъ.

Мы ограничимся этимъ примѣромъ. Совершенно достаточно выясняется изъ него два различные способа счетоводства, именно формы счетоводства навыка и формы счетоводства науки. Намъ становится понятнымъ, что ученики, выходящіе изъ школы, встрѣчаясь на практикѣ съ формами, созданными путемъ навыка, и необъяснимыми никакими логическими доказательствами, не могутъ разумно относиться къ нимъ, и должны, въ силу создавшагося уваженія къ практикѣ, привыкать къ этимъ формамъ, значенія и пользы которыхъ они не понимаютъ, потому что ихъ тутъ не вложено, не существуетъ.

Совершенно въ другомъ родѣ можетъ представиться дѣло, если только ученики усвоиваютъ себѣ въ школѣ правило—объяснять себѣ формы разумными основаніями. Въ этомъ случаѣ, встрѣчая на практикѣ формы, не имѣющія разумнаго основанія, и привыкши анализировать ихъ, они сразу съумѣютъ указать въ любой формѣ недостатокъ, объяснить, доказать его практикамъ, и такимъ образомъ не подчинятся нелѣпымъ формамъ, а наоборотъ другихъ подчинятъ своимъ научнымъ требованіямъ.

Изъ сказаннаго намъ уже выясняются два совершенно различныхъ способа созданія счетоводныхъ формъ. Однѣ счетоводныя формы создаются въ силу чистаго навыка къ нимъ, и при этомъ самъ составитель формы часто не можетъ отдать себѣ отчета, для чего онъ упустилъ цѣны въ товарной книгѣ, для чего, напримѣръ, другіе упускаютъ количество предметовъ въ тѣхъ же товарныхъ книгахъ [1]), для чего, наконецъ, третьи упускаютъ изъ

[1]) См. простая, двойная, англійская и др. старыя системы счетоводства, счеты №№ 31, 62, 63 и 70.

этой формы произведеніе или сумму денегъ, ограничиваясь только однимъ количествомъ [1])?

Напротивъ того, формы, которыя можно назвать формами науки, представляются совершенно въ другомъ видѣ. Здѣсь, цѣлымъ рядомъ наблюденій, пришли къ открытію той истины, что если только одно изъ чиселъ: дѣлимое, дѣлитель, частное или отбрасываемая дробь будутъ изъ формы устранены, или если эти цифры будутъ разлучены между собою, напр., множимое (дѣлимое) въ одной книгѣ, произведеніе въ другой и т. п., то такой порядокъ можетъ повести къ ошибкамъ въ счетоводствѣ, отъ которыхъ до злоупотребленія—одинъ шагъ. Эти-то наблюденія навели на мысль внести въ счетоводство такое правило, чтобы всѣ эти четыре числа (дѣлимое, дѣлитель, частное и отбрасываемая дробь) были сближены между собою и поставлены рядомъ. Только при этихъ условіяхъ устраняется возможность ошибокъ въ счетоводствѣ, и достигается вмѣстѣ съ тѣмъ возможность объяснить ученику тѣ основанія, которыми руководствовался человѣкъ, составлявшій подобную форму, и ту опасность, которая можетъ происходить въ счетоводствѣ отъ несоблюденія этого правила. А разъ уже такое правило является какъ законъ выведенный изъ цѣлаго ряда наблюденій и анализа, то оно можетъ назваться научнымъ.

3) *Сопоставленіе двухъ разныхъ мнѣній, относящихся—одно къ счетоводству навыка, другое—къ счетоводству науки.* Послѣ сказаннаго выше, становятся совершенно понятны встрѣчаемыя въ одномъ и томъ же журналѣ министерства народнаго просвѣщенія два противоположныя мнѣнія, съ одной стороны высказанныя въ августовской книжкѣ г. В. Т—ргъ, съ другой - г. А. Б., въ октябрьской книжкѣ. Оба эти мнѣнія совершенно правдивы; обѣ стороны правы. Разница въ мнѣніяхъ за-

---

[1]) Тамъ же, счеты №№ 66 и 69.

ключается лишь въ томъ, что г. А. Б. имѣетъ въ виду счетоводство навыка и формы учебника Рейнбота, которыя не могутъ быть объяснены никакимъ научнымъ образомъ; между тѣмъ какъ г. В. Т--ръ говоритъ о счетоводствѣ научномъ. Ясно изъ статьи г. А. Б. что онъ, получивъ навыкъ къ счетоводству, не познакомившись нигдѣ съ тѣми правилами, которыя выведены изъ ряда научныхъ наблюденій и не подозрѣвая даже, что они имѣютъ научныя объясненія, совершенно правъ въ своемъ кругѣ воззрѣній, ограниченныхъ узкою рамкою счетоводнаго знахарства, навыка. Напротивъ того, г. В. Т—ргъ выучилъ и усвоилъ себѣ научныя начала счетоводства и, съ своей стороны, совершенно правъ, имѣя въ виду счетоводство науки.

Тутъ намъ выясняется, что счетоводство можно разсматривать не только какъ *навыкъ*, но и какъ *науку*, мы открываемъ, что нѣкоторыя правила его имѣютъ чисто научный характеръ. Мы выяснимъ себѣ это понятіе, заглянувъ, напр., въ академическій словарь, или въ толковый словарь живого великорусскаго языка В. И. Даля. «Наукою», толкуютъ словари, «зовутъ не одинъ только навыкъ, а разумное и связное знаніе: полное и порядочное собраніе опытныхъ и умозрительныхъ истинъ, какой-либо части знанія; стройное, послѣдовательное изложеніе особой отрасли, вѣтви свѣдѣній. Математическая наука обширная, сама распадающаяся на многія частныя науки. Научный, до науки относящійся. Научное образованіе, на наукѣ основанное» и т. п. «Научи, какъ тутъ быть, дай ума»... спрашивали купцы у Пачіоло, изобрѣтателя двойной системы.

Толкованія эти сами по себѣ такъ ясны, что не требуютъ особыхъ поясненій.

Въ счетоводномъ дѣлѣ рядъ умозрительныхъ наблюденій приводитъ къ открытію такихъ напр. истинъ, что въ книгахъ и счетахъ могутъ остаться скрытыми обманы,

утайки, ошибки, если напр. исключить изъ товарной книги цѣны, если эту товарную и другія книги оставить сбоку баланса, неподчиненнаго научнымъ признакамъ вѣрности, и. т. д. А все то, что выведено изъ ряда наблюденій умозрительныхъ, всѣ правила, законы, являющіеся какъ послѣдствія раскрытыхъ истинъ, скорѣе могутъ назваться наукою, научными, нежели навыкомъ, искуствомъ, ремесломъ.

Отъ будущихъ учителей реальныхъ училищъ конечно будетъ зависѣть разъясненіе ученикамъ пользы, значенія и научныхъ началъ, внесенныхъ въ каждую систему и форму, и такіе-то ученики, относящіеся къ дѣлу съ полнымъ сознаніемъ счетоводнаго строя формъ, найдутся въ каждомъ дѣлѣ и примѣнятъ эти научные пріемы къ дѣлу, и отсюда—не ученики реальныхъ училищъ будутъ учиться у практики, а напротивъ того, практика должна будетъ обратиться къ знанію ученика. Но устраните изъ школы научныя начала системъ и формъ, какъ это сдѣлано, напр., въ учебникѣ г. Рейнбота и въ статьѣ г. А. Б., и вы отнимете отъ ученика знаніе.

«Обманы, утайки» и. т. п., говоритъ А. Б. «относятся къ предмету уголовнаго правосудія, а не школы». Не говоря уже о томъ, что мнѣніе это, по меньшей мѣрѣ, не согласно съ званіемъ учителей реальныхъ училищъ, такъ какъ каждому изъ нихъ должно быть присуще желаніе—не видѣть на скамьѣ подсудимыхъ своихъ учениковъ, надо спросить: откуда же уголовное правосудіе получитъ настоящихъ экспертовъ для рѣшенія счетоводныхъ вопросовъ? Счетоводству предстоитъ занять такое же мѣсто въ дѣлахъ правосудія, какое въ настоящее время занимаетъ судебная медицина. Если, по мѣрѣ успѣховъ судебной медицины, знахарство теряетъ свое прежнее значеніе, то и по мѣрѣ успѣховъ научнаго счетоводства, счетоводные знахари станутъ играть точно такую же роль, какая отводится теперь въ общественномъ мнѣніи, быв-

шимъ въ старыя времена во всеобщемъ почтенiи знахарямъ, лечившимъ по деревнямъ. Если судебная медицина, на основанiи научныхъ данныхъ, можетъ дать уголовному правосудiю болѣе или менѣе точный и вѣрный экспертизъ, то и счетоводная наука, точно также должна представить уголовному же правосудiю вѣрныхъ и, по возможности, точныхъ экспертовъ не изъ счетоводныхъ знахарей, а изъ счетоводовъ ученыхъ.

Монахъ Пачiоло, изобрѣтатель двойной системы счетоводства, менѣе всѣхъ былъ практикомъ — счетоводомъ, менѣе всѣхъ имѣлъ навыкъ къ нему, и нѣсколько странно, что напр. г. А. Б. и другiе защитники двойной системы, указывая на то, что тройная система изобрѣтена больше теоретикомъ, чѣмъ практикомъ, напоминаютъ пословицу: «въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ, въ своемъ бревна не замѣчаемъ». Они не хотятъ замѣтить того, что ихъ изобрѣтатель былъ ученый монахъ, а не практикъ — счетоводъ, и что они сами, становясь на сторону монаха, доказываютъ, что поклоняются не практикѣ, а ученому монаху.

Простая система не имѣетъ никакой научной обработки, никакихъ научныхъ данныхъ. Это ясно изъ сказаннаго выше. Это же ясно изъ мнѣнiй всѣхъ вообще пишущихъ и писавшихъ о простой системѣ. Этого не будетъ оспаривать никто. Такъ какъ здѣсь не участвуетъ еще научное правило Пачiоло, то за простую систему особенно никто и не стоитъ. Но вѣдь побочныя книги двойной системы тѣ же, что и книги простой системы. Въ учебникѣ самаго г. Рейнбота и всѣхъ остальныхъ мы находимъ, что побочныя книги ведутся одинаково, какъ по простой, такъ и по двойной системамъ счетоводства. Читатель, заглянувши лишь бѣгло въ учебникъ Рейнбота, убѣдится въ этомъ. И такъ, вспомогательныя книги двойной системы точно также, какъ и всѣ книги простой системы, не имѣютъ ни какой научной обработки.

Эти-то книги и получаютъ ее теперь въ новой тройной системѣ. Внесеніемъ въ школу научной обработки именно тѣхъ книгъ, которыя до сихъ поръ составляютъ область счетоводнаго знахарства, ремесла, навыка, именно можно пополнить тотъ недостатокъ въ реальныхъ училищахъ, который ведетъ за собою непониманіе со стороны ученика такихъ сочиненныхъ навыкомъ книгъ, которыхъ непонималъ напр. и самъ учитель г. Рейнботъ, исключившій невѣсть для чего даже цѣны изъ товарной книги, понадобившіяся самому же ему, г. Рейнботу, когда коснулась рѣчь объ ошибкахъ въ подобныхъ ремесленныхъ формахъ его учебника. Только послѣ того, какъ перестанутъ сочинять и линовать формы, чисто по знахарски, не отдавая самому себѣ отчета и не понимая даже, для чего человѣкъ сочинилъ ту или другую форму, для чего исключилъ изъ товарной формы цѣны, только когда начнутъ объяснять ученикамъ смыслъ и пользу той или другой линовки формы, только тогда изъ реальныхъ училищъ выйдутъ люди съ сознаніемъ пользы и значенія счетоводныхъ формъ, и съ такимъ сознаніемъ имъ незачѣмъ будетъ добывать у практиковъ навыкомъ того, что самъ практикъ не понимаетъ. Тутъ роли должны безспорно перемѣниться: не ученикъ реальныхъ училищъ станетъ привыкать къ неразумнымъ формамъ практика, а практикъ подчинится логикѣ и доказательной силѣ научныхъ взглядовъ ученика.

Отношенія проекта о торговой несостоятельности къ вопросу о торговомъ счетоводствѣ.[1])

Въ первой статьѣ (1-ый выпускъ), мы указали на важное значеніе торговыхъ книгъ въ дѣлахъ о торговой несостоятельности и познакомили читателя со взглядомъ на это купечества и лицъ, подававшихъ по этому предмету замѣчанія. Но мы не коснулись другой стороны проекта, именно, въ какой связи между собою находятся два вопроса о торговыхъ книгахъ и о торговой несостоятельности. Въ замѣчаніяхъ на проектъ о послѣдней, одеское купечество выражаетъ ту мысль, что «формы веденія книгъ, предписываемыя закономъ, слѣдовало бы отмѣнить». Московское купечество въ такихъ же замѣчаніяхъ на тотъ же проектъ идетъ еще дальше. «Порядокъ веденія конторскихъ книгъ — пишетъ оно — указанный въ 507 — 539 статьяхъ уст. торговаго, совершенно неудобенъ въ примѣненіи къ дѣлу и представляется необходимымъ «подвергнуть ихъ должному разсмотрѣнію» Мы всецѣло становимся на сторону предложенія одескаго и московскаго купечества – правила счетоводства требуютъ

[1]) Статья эта была помѣщена въ «Голосѣ» 8 іюля 1872 г., № 69, но такъ какъ поднятый въ ней вопросъ еще не разсмотрѣнъ и интересъ этого вопроса еще не утраченъ, то мы напоминаемъ о ней, давая ей мѣсто въ настоящемъ, спеціальномъ по счетоводству сборникѣ.

пересмотра. Но московское купечество, въ своихъ замѣчаніяхъ, входитъ тутъ же въ разсмотрѣніе этихъ правилъ, предлагаетъ взамѣнъ ихъ новыя и, тѣмъ самымъ, ставитъ два различные вопроса, какъ бы слитно, недѣлимыми одинъ отъ другого. Съ этимъ едва ли можно согласиться. По нашему убѣжденію, вопросъ о торговой несостоятельности относится къ счотному вопросу, точь въ точь, какъ вопросъ о гражданскомъ судопроизводствѣ относится къ вопросу о нотаріальныхъ актахъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ нотаріальные акты и другія доказательства составляютъ такую же почву, какъ для судовъ и конкурсныхъ собраній кредиторовъ торговыя книги. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ вопросъ о торговой несостоятельности слѣдовало бы разсматривать слитно съ вопросомъ о торговомъ счетоводствѣ, Первый самъ по себѣ, а второй самъ по себѣ, подобно тому, какъ и приведенныя для сравненія вопросы о судопроизводствѣ и о нотаріальныхъ актахъ разсматривались и утверждены отдѣльно одинъ отъ другого, первый 20-го ноября 1864 года, а второй 14-го апрѣля 1866 года. Слитное разсмотрѣніе обоихъ названныхъ вопросовъ прямо повредило бы дѣлу. Вниманіе разсматривающихъ было бы развлекаемо двумя предметами, правда, тѣсно связанными между собою, тѣмъ не менѣе, касающимися двухъ различныхъ спеціальностей. Уставу о торговой несостоятельности служатъ основаніемъ юридическія права, между тѣмъ, какъ для вопроса о счетоводствѣ, главнѣе необходима счотная практика, наука счетоводства. Еслибъ еще послѣдняя давала уже намъ выработанныя, ясныя правила, тогда... но тогда не было бы вопроса о неясностяхъ.

Правильная постановка счетнаго вопроса всецѣло зависитъ отъ взгляда на состояніе счетной науки въ наше время. Если послѣдняя удовлетворительна, тогда и говорить не о чомъ; если же въ ней усматриваются, напримѣръ, противорѣчія и недостатки, дающіе доступъ

разнаго рода самообманамъ, тогда это будетъ значить, что счетоводство требуетъ коренного внимательнаго пересмотра. Въ виду такой чрезвычайной важности, какое имѣетъ наука счетоводства на рѣшеніе постановки счетнаго вопроса, въ болѣе или менѣе глубокомъ и обширномъ значеніи, мы попросимъ читателей заглянуть вмѣстѣ съ нами въ нѣсколько извѣстнѣйшихъ учебниковъ счетоводства и, на основаніи данныхъ, которыя мы найдемъ въ нихъ, построить взглядъ на разсматриваемый вопросъ о счетоводствѣ. Мы не позволимъ себѣ утомлять читателя, а будемъ говорить коротко.

Прежде всего возьмемъ «Руководство конторскаго знанія», составленное старшимъ учителемъ санктпетербургскаго комерческаго училища, К. М. Клинге. На стр. 168-й, говоря о составленіи инвентарной книги, г. К. М. Клинге говоритъ, что при этомъ купцы *«повѣряютъ* товарный амбаръ въ натурѣ и *сравниваютъ съ товарною* и амбарною книгами». На страницѣ же 358-й, гдѣ представлена товарная книга, Клинге записываетъ товары, слово въ слово, такъ: «1853 года апрѣля 1-го дня, осталось товаровъ въ кладовой на 55,543 рубля 15 коп.». Какъ видите, читатель, ни количества, ни названія товаровъ тутъ не записано. Какъ же «повѣрить» и «сравнить» наличный товаръ въ амбарѣ съ «товарною» книгой, если въ послѣдней всѣ товары записываются общею массой, безъ означенія нетолько количества, но и названія ихъ. Очевидно, что первое правило о составленіи инвентаря исключается вторымъ, практическимъ веденіемъ товарной книги.

Возьмемъ теперь «полный курсъ коммерческой бухгалтеріи», П. И. Рейнбота, поступившаго на мѣсто г. Клинге въ то же училище старшимъ учителемъ. Въ этомъ курсѣ, по счету товаровъ на комисіи у Марка и комп. въ Москвѣ, въ четырехъ главныхъ книгахъ (на русскомъ языкѣ стр. 170, французск. 68, англійск. 58 и нѣмец. 76), пока-

зано барыша 973 руб. 86 к., а въ четырехъ товарныхъ книгахъ (на русск. языкѣ стр. 40, француз. 124, англійскомъ 116, нѣмец. 106) показано такого же барыша 988 руб. 86 к. Показанія первыхъ четырехъ счетовъ опровергаютъ показанія вторыхъ четырехъ счетовъ. Но если провѣрить эти счеты, то окажется, что отъ оборота, записаннаго въ немъ, получено чистаго барыша не 973 р. 86 к. и не 988 р. 86 к., а 1,166 р. 1 к.

Въ учебникѣ «Наука счетоводства» (Die Lehre von der Buchhaltung), составленномъ бывшимъ директоромъ лейпцигскаго торговаго учебнаго института Шибе, исправляемомъ и издаваемомъ нынѣшнимъ директоромъ того же института Одерманомъ, есть противорѣчія такого рода: На стр. 331-й, подъ числомъ 12-го января, въ задачѣ сказано: «мы посылаемъ Филиппу Бацу, во Франкфуртѣ на Майнѣ, два векселя, въ томъ числѣ одинъ, подъ № 12-мъ, на Майнцъ на 256 гульденовъ 15 крейц.» Въ объясненіи подъ этою задачей Шибе и Одерманнъ говорятъ: «Сумму (256 гул. 15 крейц.) мы должны выставить только тогда, когда получимъ увѣдомленіе, что вексель заплаченъ». Увѣдомленіе это, написанное 3 го февраля, получено 4-го февраля (стр. 346), то-есть, не въ январѣ а въ февралѣ. Въ увѣдомленіи вычтены издержки при полученіи 1 гульд. 15 крейц. Дѣйствительно, въ текущемъ счотѣ Филиппа Баца, въ книгѣ контокорента, на стр. 454-й и въ главной книгѣ на стр. 436-й, сумма векселя 256 гульд. 15 крейцеровъ показана за вычетомъ издержекъ 1 гульд. 56 крейц., значитъ *послѣ* полученія письма. Но за такимъ же вычетомъ сумма эта вошла и въ мѣсячный балансъ за январь, который, по правиламъ, долженъ составляться не позже 1-го февраля, т. е. не только *раньше* полученія увѣдомленія, но и *раньше* его написанія; раньше, чѣмъ издержки опредѣлились и произведены во Франкфуртѣ, онѣ уже показаны въ балансѣ въ Лейпцигѣ. Тутъ надо выбирать одно изъ двухъ. Если

хотите держаться правила о выводѣ баланса 1-го числа каждаго мѣсяца, то нельзя задерживать его ожиданіемъ увѣдомленія; если же выжидать послѣдняго, то надо исключить правило о выводѣ баланса 1-го числа и замѣнить его тѣмъ временемъ, когда выдастся такой день, что всѣ увѣдомленія пришли, если такіе дни могутъ встрѣчаться. Нельзя же дѣлать балансъ, вынувши вексель изъ портфеля и не выставивши его нигдѣ въ приходѣ. Мы не говоримъ уже о величайшей опасности для торговаго дома оставлять такимъ образомъ невыставленными въ приходѣ въ извѣстныхъ счетахъ высланные векселя до полученія увѣдомленія о платежѣ по нимъ, которые, въ случаѣ, конкурса, могутъ быть задержаны на цѣлые годы.

Въ томъ же самомъ учебникѣ Шибе и Одермана, есть и другое не менѣе важное противорѣчіе. Въ книгѣ текущихъ счетовъ имѣются для одного лица Іосифа Китчина въ Лондонѣ два счета: одинъ на страницѣ 460-й подъ названіемъ «нашъ счетъ», а на другой страницѣ 466-й, подъ названіемъ «ихъ счетъ». Поводомъ послѣднему онъ выставляетъ на страницѣ 353-й, подъ числомъ 19-го февраля, задачу, что Китчинъ въ Лондонѣ выдалъ на насъ путешественнику Георгу Вилькинсу изъ Филадельфіи кредитивъ на 200 *фунтовъ стерлинговъ*. Просимъ замѣтить *фунтовъ стерлинговъ*, и это у Шибе и Одермана не опечатка, на нихъ ведется и дальнѣйшій разсчотъ на страницѣ 467-й въ графѣ «текстъ» и на другихъ. Подъ этою задачей есть такое объясненіе: «Счетъ, который г. Китчинъ имѣетъ въ книгѣ текущихъ счетовъ» (стр. 460) ведется въ *англійскихъ* деньгахъ (т. е. въ фунтахъ стерлинговъ, и это правда), «поэтому, открываемъ мы ему, г. Китчину новый счетъ». Противорѣчіе тутъ въ томъ, что въ оба счета записываются документы, написанные на одну и ту же монету—фунты стерлинги, а это отвергаетъ здравый смыслъ и исключаетъ существующее понятіе объ открытіи двухъ для одного лица счетовъ, «нашего»

и «ихъ» — на разныя монеты. Правда, Шибе и Одерманъ выставляютъ въ одномъ изъ нихъ счетъ въ талерахъ; но эти талеры подставлены самими Шибе и Одерманомъ, т. е. получены ими уже черезъ умноженіе и перемноженіе въ талеры фунтовъ стерлинговъ, а не почерпнуты, какъ бы слѣдовало, изъ дѣла послужившаго основаніемъ счета.

Въ книгѣ «Наука двойной системы счетоводства», составленной практическимъ счетоводомъ въ Нью-Йоркѣ, въ Америкѣ, Маршомъ, на страницѣ 86-й, подъ числомъ 27-го апрѣля, представлена такая задача: куплено на аукціонѣ 50 цибиковъ чая за 4,725 доларовъ и всѣ они переуступлены тамъ же другому лицу, за что̀ получено отъ него 3%, или 141 доларъ 75 с. Эти 141 доларъ 75 с. записаны въ кредитъ въ счотъ товаровъ, на страницѣ 137-й. Совершенно точно также записаны тѣ же 141 доларъ 75 с. въ томъ же сочиненіи, напечатанномъ на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ учителемъ счетоводства въ Глаухау, въ Саксоніи, Карломъ Вагнеромъ. Между тѣмъ, подобное показаніе въ счетѣ товаровъ небывалаго расхода въ 141 доларъ 75 с. можетъ дать поводъ къ серьезнымъ злоупотребленіямъ, именно къ уменьшенію количества сахара на эту сумму, благо она показана въ расходѣ.

Подобную утайку было бы весьма трудно открыть и замѣтить. Въ этомъ родѣ не замѣчена утайка 16 фунт. сахара въ упомянутомъ выше курсѣ П. И. Рейнбота, во всѣхъ четырехъ счетахъ сахара, на французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ.

Приведенныхъ указаній достаточно для того, чтобъ выяснить нашу мысль. Надо прежде сказать, что мы сдѣлали выписки не зауряд изъ книгъ, подвернувшихся подъ руку. Дѣлая ихъ, мы думали, какія же другія сочиненія могутъ служить доказательствомъ, какъ не сочиненія двухъ преподавателей счетоводства въ высшемъ

въ Россіи санктпетербургскомъ коммерческомъ училищѣ, двухъ директоровъ лейпцигскаго торговаго учебнаго института, двухъ лицъ разныхъ странъ, практика—въ Америкѣ и учителя—въ Европѣ? Но если такіе спеціалисты своего дѣла входятъ съ самими собою въ противорѣчіе, читая на лекціяхъ въ одномъ урокѣ одно правило, а въ другомъ другое, исключающія другъ друга, если эти противорѣчія не замѣчаются самими преподавателями цѣлыя *четверть столѣтія* и долѣе и повторяются ими въ слѣдующіе годы въ слѣдующихъ изданіяхъ, то могутъ ли быть замѣчены тѣ, хотя и нестолько, можетъ быть, важные недостатки, какіе могутъ вкрасться въ уставъ торговаго счетоводства, если еще этотъ уставъ будетъ разсматриваться въ тѣни, пріобщоннымъ къ другому о торговой несостоятельности, на которомъ должно будетъ сосредоточиться все вниманіе высшихъ учрежденій? Что мы видимъ изъ приведенныхъ примѣровъ? Отчего произошли противорѣчія названныхъ авторовъ самихъ съ собою? Можно ли сомнѣваться, что К. М. Клинге заботился о сокращеніи труда, да сократилъ его уже настолько, что исключилъ изъ товарной книги и количество и названіе товаровъ, вслѣдствіе чего собственное его правило: «повѣрять» и «сравнивать» наличный товаръ съ «товарною» книгой оказалось упраздненнымъ. Не о такомъ ли сокращеніи труда заботились и Шибе съ Одерманомъ, совѣтуя не выставлять въ текущемъ счетѣ отправленныхъ векселей? Не ясна ли тутъ мысль: «запишется, молъ, разомъ, когда получится отвѣтъ», а между тѣмъ, если ожидать его, то нельзя заключать счета, потому что вексель изъ портфеля ушелъ, а въ текущій счетъ еще не пришелъ.

Примѣнимъ теперь эти ошибки къ нашему русскому любимому коньку—выѣзжать на сокращеніи труда. Если мы видимъ, что спеціалисты своего дѣла, починяя въ собственной счетной машинѣ одинъ винтикъ, расшатываютъ другой, то что же можно ожидать, если кто-нибудь, ме-

нѣе спеціалистъ, для *сокращенія труда*, отцѣпитъ отъ машины подобнымъ же образомъ болѣе или менѣе необходимую часть? Вотъ почему мы и распространяемся о приведеніи доказательствъ, такъ сказать, объ осязательномъ указаніи того, что счетный уставъ слѣдуетъ разсматривать не въ пріобщеніи къ другому, а отдѣльно, не какъ побочный, второстепенный, а какъ самостоятельный и обособленный. Онъ требуетъ, какъ видимъ, глубочайшаго вниманія и осмотрительности, тѣмъ болѣе, что московскимъ купечествомъ, какъ и слѣдуетъ, затронута самая существенная сторона дѣла. Каждая мысль тутъ должна разсматриваться непремѣнно въ связи съ цѣлымъ дѣломъ. Частныя починки, какъ мы видимъ, здѣсь опаснѣе, чѣмъ въ другомъ дѣлѣ. Вотъ почему мы держимся того убѣжденія, что счетный уставъ нельзя разсматривать въ тѣни, пріобщеннымъ къ другому.

Проектированный нынѣ уставъ о торговой несостоятельности не входитъ въ разсмотрѣніе счетныхъ формъ и не слѣдуетъ сбивать его на это. Онъ оканчивается и долженъ оканчиваться на томъ, что будущіе судьи и конкурсныя управленія должны и будутъ разсматривать торговыя книги; пока этого совершенно достаточно. Какъ бы неграмотенъ купецъ ни былъ, все же у него должны быть какія-нибудь тетради. Какъ новые суды рѣшаютъ дѣла по актамъ, совершеннымъ прежнимъ порядкомъ, такъ можно рѣшать и по нынѣшнимъ торговымъ книгамъ. Какъ уставъ о нотаріальныхъ актахъ разсматривался послѣ открытія новыхъ судовъ, такъ уставъ о торговыхъ книгахъ можетъ разсматриваться послѣ, особо. Та же самая практика, быть можетъ, въ состояніи будетъ дать нѣкоторыя практическія указанія на нѣкоторые пункты торговаго счетоводства.

Остается только желать, чтобъ уставъ о торговомъ счетоводствѣ, подобно уставу о торговой несостоятельности, былъ распубликованъ и выпущенъ въ продажу

съ такою же цѣлью—вызвать на него замѣчанія со стороны публики. Но въ этомъ сомнѣваться нельзя, въ виду примѣровъ по собственному почину II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, бывшихъ уже по нѣсколькимъ вопросамъ. Въ то время и можно будетъ коснуться какъ сущности самаго счетоводства, такъ и сущности замѣчаній о счетоводствѣ московскаго купечества.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Полный курсъ коммерческой бухгалтеріи. Составилъ *П. Рейнботъ*, старшій преподаватель бухгалтеріи при с.-петербургскомъ коммерческомъ училищѣ. Изданіе второе передѣланное и умноженное. С.-Петербургъ. 1876 г.

Въ первомъ выпускѣ нашего сборника, въ отдѣлѣ «библіографія», упоминая о такомъ поразительномъ фактѣ, что г. Рейнботъ, въ своей статьѣ, помѣщенной въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ октябрьской книжкѣ 1875 г., сознаваясь въ нѣсколькихъ ошибкахъ, сдѣланныхъ имъ въ своемъ учебникѣ, признается, что «ошибка въ 16 ф. сахара была обнаружена въ первый же годъ, (т. е. въ 1865—1866 г.) по введеніи этого учебника, какъ руководства»,—мы выразили удивленіе, отчего съ тѣхъ поръ, т. е. съ конца 1865 г. или съ начала 1866 г., въ теченіи 10 лѣтъ, г. Рейнботъ равнодушно преподаетъ свой учебникъ съ ошибками, своимъ же ученикамъ, какъ будто въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, и не заботится даже ни о перепечаткѣ ошибочныхъ листовъ, ни о второмъ изданіи менѣе неряшливаго учебника.

Въ настоящее время мы, наконецъ, видимъ въ печати второе изданіе и уже, «*умноженное*,» какъ объ этомъ выставлено на самой оберткѣ учебника.

Итакъ, новое второе изданіе имѣетъ весьма важное отличіе отъ перваго.

Первое было издано не перемноженнымъ, за недостаткомъ, какъ объясняетъ г. Рейнботъ, у него времени къ сроку (какому?..) Во второмъ онъ сдѣлалъ помноженіе. Но на этотъ разъ двойная система подшутила надъ г. Рейнботомъ на счетъ сложенія и вычитанія. Въ его учебникѣ случился такой казусъ, что куплено было георгіевской хлопчатой бумаги 877 пуд. 39 ф., а по инвентарю къ концу счетоводства поставлено 878 п. 11 ф. Откуда взялись лишніе 12 фунтовъ, г. Рейнботъ и самъ не знаетъ, а двойная система этого вопроса ему не разъясняетъ.

Въ другомъ мѣстѣ, на другомъ сортѣ бумаги у него является недохватка на 12 фунт.

Я говорю не объ опечаткахъ, нѣтъ. Тутъ при сложеніи этихъ же пудовъ есть и опечатки напр. 9+4=у него 14, а не 13. Это опечатка, такъ какъ при этомъ ущерба хозяину не произошло, но что касается того, что у него на одномъ сортѣ бумаги, 12 ф. исчезло, а на другомъ сортѣ показано 12 ф. вовсе не существующихъ, то это уже не опечатка, такъ какъ цѣны на разные сорта разныя, слѣдовательно при помноженіи настоящаго количества и активъ капитала и цифры валовой и чистой прибыли получатся другія.

Ошибки эти, сдѣланныя въ инвентарной книгѣ, повторены въ книгахъ: товарной, главной, журналѣ и въ выводахъ прибыли, убытка и капитала.

Вслѣдствіе этой ошибки цифра актива является невѣрною; вслѣдъ затѣмъ является невѣрная цифра и чистаго капитала къ концу счетоводства, точно также не вѣрна цифра валовой и чистой прибыли.

Не понятно, какъ наконецъ, г. Рейнботъ не понимаетъ, что правила его кліентки—двойной системы, ставятъ ему рога и, какъ наконецъ онъ не признаетъ того факта, что въ двойной системѣ нечѣмъ повѣрить сложеніе, вычитаніе и помноженіе и что дѣйствительно повѣрка эта зависитъ отъ простого коректурнаго повто-

ренія разъ сдѣланнаго дѣйствія, а такъ какъ въ силу психологическаго закона, человѣкъ, разъ сдѣлавшій ошибку, склоненъ повторить ее, то въ учебникѣ Рейнбота одна и та же ошибка повторяется нѣсколько разъ и даетъ совершенно ложные выводы и балансы, какъ въ первомъ, такъ и въ нынѣшнемъ, второмъ изданіи.

Кромѣ названной ошибки при сложеніи и вычитаніи пудовъ хлопчатой бумаги, въ учебникѣ Рейнбота есть еще ошибка въ памятной книгѣ, именно: онъ печатаетъ на страницѣ 195, что Тимофѣевъ «долженъ» за купленную у него Тимофѣева паклю 6338 р. 70 к. Я думаю, что если мы купили у него паклю, то не Тимофѣевъ «долженъ» за то, что продалъ намъ паклю, а наоборотъ, мы ему должны, и что въ данномъ случаѣ надо написать: Тимофѣевъ «имѣетъ» за нами 6338 р. 70 к., а не «долженъ», какъ ошибочно выставлено въ памятной книгѣ г. Рейнбота.

Хорошее будетъ счетоводство, когда мы станемъ писать «долженъ» тотъ, кому сами должны!!!

Независимо отъ ошибокъ, ведущихъ за собою невѣрность вывода актива чистаго капитала, валовой прибыли и чистой прибыли, независимо отъ невѣрностей, выходящихъ просто отъ негодности правилъ двойной системы счетоводства, во второмъ изданіи учебника г. Рейнбота повторяются важные недостатки перваго и опять же приводится ученіе, противное закону.

Надо сказать, что законодательство вступило уже на путь прямаго запрещенія правилъ двойной системы. Въ числѣ подобныхъ запрещеній находится весьма важное относящееся къ банкамъ — показывать въ своихъ балансахъ процентныя бумаги свыше той цѣны, по которой онѣ пріобрѣтены. Такъ напр., въ уставахъ нашихъ банковъ есть законъ слово въ слово такого содержанія: «въ годовыхъ балансахъ ..... должны быть показаны, государственныя и другія процентныя бумаги не свыше той цѣны, по которой онѣ пріобрѣтены». Этотъ законъ

повторенъ въ уставахъ банковъ: московскаго купеческаго въ § 67, международнаго—§ 72, волжско-камскаго—§ 73, комерческаго банка въ Варшавѣ—§ 67, одесскаго комерческаго банка—§ 61, нижегородскаго купеческаго банка—§ 56, комерческаго банка въ городѣ Костромѣ—§ 60, Варшавскаго учетнаго банка — § 67, Тифлискаго комерческаго банка—68, русскаго для внѣшней торговли банка—§ 62, Кіевскаго промышленнаго банка—§ 71, Азовскаго донскаго комерческаго банка — § 68, Московскаго торговаго банка—§ 70, промышленнаго банка въ г. Москвѣ—§ 65, Кишиневскаго комерческаго банка — § 64, Рижскаго комерческаго банка — § 73, Ростовскаго на Дону комерческаго банка—§ 64 и. т. д. Словомъ мы видимъ, что во всѣхъ уставахъ банка запрещается показывать процентныя бумаги свыше той цѣны, по которой онѣ пріобрѣтены.

Что же находимъ мы въ полномъ курсѣ комерческой бухгалтеріи г. Рейнбота, во второмъ его изданіи, по которому преподается двойная система будущимъ счетоводамъ тѣхъ же банковъ? Въ этомъ учебникѣ, даже во второмъ изданіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1876 г., остатки показаны по цѣнамъ выше тѣхъ, по которому они пріобрѣтены. Такъ напримѣръ, 5% билеты государственнаго банка перваго выпуска, купленые по $97^3/_4$, въ учебникѣ показаны въ балансѣ по 98 р. (стр. 147) свыше той цѣны, по которой они пріобрѣтены на $^1/_4$.

5% облигаціи с.-петербургскаго городскаго кредитнаго общества, купленныя по курсу $90^5/_8$ р. показаны въ годовомъ балансѣ по 91 р., свыше на $^3/_8$.

5% билеты 1-го лотерейнаго займа (непонятно почему г. Рейнботъ своимъ ученикамъ называетъ 5% билеты внутренняго съ выигрышами займа билетами лотерейными), поступившіе отъ предыдущаго года, изъ заключенныхъ книгъ прошлаго періода счетоводства, по курсу

173, показаны въ учебникѣ, въ годовомъ балансѣ по 175, на 2 р. дороже.

5°/₀ билеты втораго лотерейнаго (?) займа, поступившіе отъ прошлаго счетоводства по курсу 171, показаны по 174, свыше на 3 рубля.

Акціи с.-петербургскаго газоваго общества, купленныя по 145 р. въ годовомъ балансѣ внесены по 146.

Акціи перваго страховаго отъ огня общества, поступившія отъ прошлаго счетоводства по 645, показаны по 668, т. е. на 23 р. дороже противъ закона.

Въ этихъ примѣрахъ двойная система мало сказать игнорируетъ законъ, надо сказать, она просто учитъ тому, что запрещается закономъ. Если законъ такъ настоятельно, въ уставахъ каждаго банка повторяетъ одно и то же запрещеніе, показывать въ годовыхъ балансахъ процентныя бумаги не свыше той цѣны, по которой онѣ пріобрѣтены, то и г. Рейнботъ въ своемъ учебникѣ, съ неменьшею же настойчивостью учитъ не слушаться этого закона, и какъ бы, въ отмѣстку, зачѣмъ законъ запрещаетъ это въ каждомъ уставѣ г. Рейнботъ, съ своей стороны, въ пику повторяетъ показывать въ каждомъ счетѣ °/₀ бумаги не такъ, какъ требуетъ законъ, а такъ, какъ требуетъ его ненаглядная двойная система.

По поводу этого было уже мною печатаемо и перепечатывалось нѣсколько разъ. Такъ объ этомъ я писалъ въ особомъ мнѣніи, напечатанномъ по распоряженію второго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, въ книгѣ «Дополненіе къ замѣчаніямъ на проэкты главныхъ основаній производства по дѣламъ о торговой несостоятельности и о векселяхъ», вышедшей въ свѣтъ въ Петербургѣ еще въ 1870 г. Далѣе, объ этомъ же я напечаталъ въ примѣчаніи къ § 16 теоріи тройной системы счетоводства. Затѣмъ, объ этомъ говорилось и въ полемикѣ о двойной и тройной системѣ счетоводства.

Но г. Рейнботъ не внимаетъ ничему; онъ учитъ, какъ

учили его дѣды, крѣпко держится старины и сколько бы разъ ни запрещалъ законъ, хотя бы по два раза въ каждомъ уставѣ банка, г. Рейнботъ все-таки не сдвинется съ мѣста, а останется при своей двойной системѣ до самой, кажется, своей смерти. Такая глубокая преданность у него къ двойной системѣ, что онъ не замѣчаетъ, что она его же самого вводитъ въ ошибки, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ изданіи и что онъ, за внесеніе въ учебникъ такихъ правилъ, которыя прямо идутъ противъ закона, можетъ наконецъ быть признаннымъ человѣкомъ отсталымъ, или, быть можетъ, г. Рейнботъ разсчитываетъ, что никому, ни изъ начальства, ни изъ родителей воспитанниковъ не будетъ никакого дѣла, чему учитъ г. Рейнботъ: законному или противозаконному порядку.

Во второмъ изданіи этого учебника являются новыя правила, вовсе не существовавшія въ первомъ изданіи. Правила эти вызваны указаніями тройной системы счетоводства. Тройная система указала, что книги, являющіяся въ двойной системѣ, какъ побочныя, каковы: книга акцій, книга фондовъ, книга вексельная, книга товарная, текущихъ счетовъ, имѣютъ величайшую важность: по нимъ ведется самый учетъ товаровъ, разсчетъ, между тѣмъ въ двойной системѣ онѣ оставляются безъ повѣрки, т. е. балансъ и главная книга составляются не изъ этихъ книгъ, по которымъ дѣлается разсчетъ, а путемъ особаго новаго труда, путемъ выборокъ и путемъ составленія журнала и главной книги изъ тѣхъ же самыхъ: кассовой и памятной книги, изъ которыхъ составляются книги побочныя: товарная и другія.

Указавъ на этотъ недостатокъ въ двойной системѣ счетоводства, тройная система дѣлаетъ свой балансъ, т. е. активъ, пассивъ и цифры валовыхъ, равно какъ и чистыхъ убытковъ и прибылей, изъ побочныхъ книгъ: акціонной, товарной и т. д., т. е. дѣлаетъ изъ тѣхъ са-

мыхъ важнѣйшихъ книгъ, по которымъ ведется учетъ товара и проиводятся всѣ разсчеты; притомъ не путемъ составленія журнала, а прямо путемъ сводки итоговъ всѣхъ счетовъ, которые выписываются и складываются вмѣстѣ и получаются общіе итоги, сравниваемые съ меморіаломъ. Если въ этихъ важнѣйшихъ при учетѣ цѣнностей книгахъ являются ошибки, то тройная система и откроетъ ихъ, между тѣмъ какъ въ двойной системѣ, если будутъ ошибки въ книгахъ побочныхъ, въ самыхъ важныхъ книгахъ, то онѣ въ двойной системѣ не открываются.

Г. Рейнботъ, который какъ мы видѣли выше, и закону не внемлетъ, внялъ-таки голосу тройной системы. Видно, что и самому королю двойной системы показалось уже не красиво оставлять безъ повѣрки важнѣйшія книги, но только онъ не согласенъ на то, чтобы сократить лишній трудъ на составленіе журнала, выборокъ, а предлагаетъ свой новый способъ, состоящій въ томъ, чтобы дѣлать такую же съ небольшими измѣненіями сводку счетовъ, какъ это дѣлается въ сводной книгѣ тройной системы, но только съ слѣдующими для двойной системы правилами. Онъ говоритъ на стр. 288: «счеты, открываемые въ главной книгѣ, служатъ для повѣрки вывоводовъ, сдѣланныхъ въ спеціальныхъ книгахъ». Здѣсь остается только показать на цифрахъ, какъ подобная повѣрка обманываетъ г. Рейнбота.

«По счету кассы», говоритъ Рейнботъ, «въ главной книгѣ, выведенъ остатокъ къ 1-му сентября 13,685 руб. 33 к., этотъ же остатокъ значится и по кассовой книгѣ. Подобное совпаденіе остатковъ доказываетъ правильность (?!) веденія кассовой книги».

Но подобное совпаденіе остатковъ самообманываетъ г. Рейнбота, какъ это доказано мною еще въ началѣ 1874 г., три года тому назадъ, а именно въ моемъ сочиненіи: «Двойная система»; въ утаечномъ сводѣ выведенъ

остатокъ къ 1 октября—и въ главной книгѣ (стр. 111) 10,604 р. 44 к. и въ кассовой (стр. 27) 10,604 р. 44 к., между тѣмъ какъ тутъ, подъ этимъ сходствомъ, скрадена весьма крупная сумма,—12,818 р. 33 к.

Далѣе г. Рейнботъ говоритъ: по счету фондовъ въ главной книгѣ выведена прибыль на 1849 р. 67 к.; эта же самая прибыль получается и по книгѣ фондовъ.

Г. Рейнботъ или не прочелъ, или не хочетъ читать слѣдующаго замѣчанія, сдѣланнаго у меня въ книгѣ «Обманы, утайки и ошибки скрывающіяся въ вѣрныхъ балансахъ двойной системы» на стр. 119. Мною приведено, что въ главной книгѣ, по счету билетовъ и облигацій значится убытокъ 26,190 р. 55 к., и та же самая цифра получается въ книгѣ фондовъ, а именно:

	Убытокъ.		Прибыль.	
	р.	к.	р.	к.
По 13-му счету 5% билетовъ госуд. банка на курсѣ.	28,592	—	—	—
на % . .	—	—	108	33
По 14-му счету 5% бил. 5-го займа, на курсѣ .	—	—	105	—
на % . .	—	—	145	85
По 15-му счету % билет. 6-го займа, на курсѣ .	—	—	550	—
на % .	—	—	60	35
По 16-му счету % билет. 7-го займа	—	—	2	67
По 17-му счету облигацій с.-петерб. город. кред. общества.	—	—	1429	25
Всего . . .	28,592	—	2401	45
Разница	26,190 р. 55 к.			

Далѣе г. Рейнботъ утверждаетъ, что по счету акцій въ главной книгѣ его учебника выведена прибыль 1860 р. Эта же сумма получается и по книгѣ акцій.

У меня въ той же книгѣ «Обманы, утайки и ошибки» на стр. 117 сказано: въ главной книгѣ по счету акцій получено 1085 р. и эта же самая сумма получается при сложеніи всѣхъ счетовъ книги акцій, а именно:

По счетамъ акцій N банка	5	р.
По счету акцій пароходнаго общества по Волгѣ	1000	р.
Акціи Царскосельской ж. д. . .	80	р.
Итого	1085	р.

Подъ этимъ итогомъ скрывается весьма значительный ущербъ, такимъ образомъ, что согласіе это обманываетъ насъ.

«По счету товаровъ», говоритъ г. Рейнботъ, «въ главной книгѣ выведена прибыль въ 6632 р. 86 к.; эта же сумма получается и по товарной книгѣ, а именно:

На рисъ.	512	р.	97	к.
« кофе доминго .	1677	«	08	
« хлопчатую бумагу георгіевскую.	354	«	70	»
« хлопчатую бумагу орлеанскую	1968	«	40	»
« индиго	108	«	60	»
« какао.	421	«	50	»
« корнику. .	141	«	16	»
хлопчатую бумагу пернамбукскую.	922	«	6	»
« кофе цейлонскій.	438	«	85	»
« пиллентъ. . . .	87	«	54	»
Всего	6632	р.	86	к.»

Въ числѣ этихъ 6632 р. 86 коп. входятъ и прибыли отъ хлопчатой бумаги, которыя, положительно не вѣрны, какъ это указано выше, вслѣдствіе того, что, тутъ въ одномъ мѣстѣ принято 12 ф. бумаги лишнихъ, на лицо неимѣющихся, на которыя прибыль увеличена, а другого сорта бумаги 12 ф. недостаетъ. А такъ какъ на разные сорта разныя цѣны, то во всякомъ случачаѣ одною ошиб-

кою не покрывается другая, и обѣ ошибки остаются ошибками тѣмъ болѣе, что лишнее рано или поздно спишется со счетовъ, а недостатокъ, незамѣченный и послѣ генеральнаго заключенія, такъ и останется недостаткомъ. Слѣдовательно г. Рейнботъ самообманывается сходствомъ 6632 р. 86 к., которое представляетъ ему вѣрнымъ то, что на самомъ дѣлѣ невѣрно.

Я не знаю, можно ли болѣе нагляднымъ образомъ доказать всю шаткость двойной системы, какъ это доказываетъ въ своемъ учебникѣ самъ г. Рейнботъ. Онъ утверждаетъ, что согласіе прибыли въ 6632 р. 86 к. съ одной стороны по счету товаровъ главной книги, съ другой по всѣмъ счетамъ товарнымъ, убѣждаетъ въ вѣрности вывода, тогда какъ тутъ же, въ этой самой цифрѣ 6632 р. 86 к. есть двѣ ошибки.

Если русскіе читатели до того очарованы двойною системою, до того ослѣплены, что не могутъ видѣть ошибокъ въ учебникѣ двойной системы г. Рейнбота, какъ въ первомъ изданіи, такъ и въ настоящее время во второмъ, если туманъ этотъ нашелъ на нихъ до того, что они не понимаютъ, что правила двойной системы, запрещенныя закономъ настоятельно, однако приводятся въ ней, если, наконецъ, они не могутъ ни видѣть, ни понимать того, что самъ г. Рейнботъ самообманывается вѣрнымъ сочетаніемъ прибыли по счету товаровъ 6632 р. 86 к., тогда какъ эта цифра не вѣрна два раза, то послѣ этого остается только сложить перо и признать тотъ фактъ, что сторонники двойной системы либо на столько не добросовѣстны, что отвергаютъ краснорѣчивые факты, либо на столько непонятливы, что не понимаютъ ясныхъ какъ свѣтъ самообмановъ двойною системою.

Въ защиту двойной системы бухгалтеріи.

Съ появленіемъ въ свѣтъ тройной системы начали появляться въ нѣкоторыхъ газетахъ почти безъ перерыва объявленія, цѣль которыхъ, какъ ясно изъ ихъ содержанія,—подорвать довѣріе русской публики къ русской тройной системѣ счетоводства.

Я съ своей стороны готовъ содѣйствовать распространенію этихъ объявленій для того, чтобы русская публика могла оцѣнить всесторонне всѣ тѣ способы и мѣры, какіе противъ русскаго изобрѣтенія, тройной системы, употребляютъ защитники италіанской двойной системы счетоводства.

Опуская *до поры до времени* цѣлый рядъ прошлогоднихъ объявленій, происходившихъ между гг. Бергомъ и Бенкеномъ, одинаково компрометировавшихъ и тройную систему и себя и требующихъ обстоятельной оцѣнки въ своемъ мѣстѣ, я печатаю здѣсь новѣйшія объявленія подъ общимъ заглавіемъ: «въ защиту двойной системы счетоводства», какъ соотвѣтствующимъ ихъ цѣли, и съ своей стороны, воздерживаюсь высказывать о нихъ свое мнѣніе; пусть самъ читатель думаетъ о нихъ, какъ хочетъ.

Для того, чтобы сдѣлать понятными для читателя неясныя объявленія, я дополню ихъ фактическими данными.

I.

Объявленіе изъ газеты «Новое время» 29 Августа 1876 г. № 180.

ЧАСТНЫЕ КУРСЫ

БУХГАЛТЕРІИ И КОНТОРСКАГО ЗНАНІЯ

(на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ).

Полный курсъ состоитъ изъ 3-хъ отдѣловъ, заключающихъ въ себѣ:

3) подробный анализъ появившейся недавно такъ называемой тройной системы, ея **непрактичность и противорѣчіе существующему Торговому Уставу.**

Адресъ: по Владимірскому просп., д. Лихачева, кв. № 10.

Э. В...нъ-Бергъ.

Примѣчаніе.

Для того, чтобы читателю стало понятно это объявленіе, надо сказать:

1) ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, въ журналѣ 1-го декабря 1875 г., написалъ: «Конечно на урокахъ бухгалтеріи, въ реальныхъ училищахъ, преподаватели не оставятъ безъ объясненія какъ сущности новой системы, такъ и предлагаемыхъ ею улучшеній и видоизмѣненій въ системѣ существующей».

2) департаментъ торговли и мануфактуръ, по приказанію его высокопревосходительства министра финансовъ, сдѣлалъ сообщеніе объ испытаніи тройной системы путемъ примѣненія ея на практикѣ.

Я долженъ упомянуть объ этомъ, чтобы читатель самъ могъ обсудить, могли-ли послѣдовать о тройной системѣ, еслибы она противорѣчила торговому уставу (какъ значится въ объявленіи г. Берга),—вышеприведенные отзывы

со стороны двухъ такихъ компетентныхъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, какъ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія и департаментъ торговли и мануфактуръ.

Самъ г. Бергъ ни на преніяхъ, ни въ своей брошюрѣ «Въ защиту двойной системы счетоводства» нигдѣ ни однимъ словомъ не упомянулъ о томъ, что тройная система противорѣчитъ торговому уставу. Онъ упоминаетъ только въ тѣхъ бездоказательныхъ объявленіяхъ, которыми онъ заманиваетъ слушать у него частные курсы двойной системы бухгалтеріи.

II.

Объявленіе изъ газеты „Голосъ" 18 января № 18.

ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ С.-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ ПРОДАЕТСЯ КНИГА:

„Въ защиту двойной системы бухгалтеріи и мнѣніе о новоизобрѣтенной тройной системѣ и ея изобрѣтателѣ"

Составилъ **Э. В...нъ-Бергъ.** Цѣна **1** руб.

Книга эта имѣетъ цѣлью разъяснить возбужденный нѣкіемъ г. Езерскимъ вопросъ о изобрѣтенномъ имъ, будто бы, **новомъ** способѣ веденія коммерческихъ книгъ, называемомъ имъ **тройной системой счетоводства.** Авторъ, разсматривая новопредложенную систему и сопоставляя ее съ существующей и общепринятой двойною, приходитъ къ слѣдующимъ несомнѣннымъ выводамъ.

1) Система г. Езерскаго не есть новое изобрѣтеніе, а смѣсь осколковъ многихъ, давно извѣстныхъ и заброшенныхъ, по всей непрактичности, формъ двойной системы; 2) способъ, предложенный г. Езерскимъ, даетъ ре-

зультаты ложные, въ большинствѣ случаевъ расходящіеся съ истиной, что доказывается примѣрами изъ торговой практики, 3) всѣ такъ-называемыя «преимущества» новой системы, не болѣе, какъ нѣкоторыя отличительныя свойства ея, неимѣющія никакого практическаго значенія; 4) **обманы, ошибки и утайки**, якобы возможныя при веденіи книгъ по двойной системѣ, существуютъ **только** въ больномъ воображеніи г. фабриканта тройной системы; 5) г. Езерскій выпускомъ въ свѣтъ издѣлія своего ума, обнаруживаетъ совершенное незнаніе практическаго примѣненія двойной системы, которую успѣлъ изучить изъ однихъ учебниковъ, и что 6) вся тройная система, по отсутствію въ ней элементовъ, требуемыхъ для торговаго счетоводства, **рѣшительно непримѣнима къ торговымъ дѣламъ.**

Иногородные, высылающіе свои требованія (съ 1 руб.) на имя автора (Владимірскій Проспектъ д. Лихачева, кв. № 13) за пересылку не платятъ. 922. 32. 33.

III.

Объявленіе изъ газеты „Новое время“ 9 сентября 1876 г. № 191.

ВЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЕТСЯ

книга:

ВЪ ЗАЩИТУ ДВОЙНОЙ СИСТЕМЫ И БУХГАЛТЕРІИ

и

МНѢНІЕ О НОВОИЗОБРѢТЕННОЙ ТРОЙНОЙ СИСТЕМѢ И ЕЯ ИЗОБРѢТАТЕЛѢ.

Э. В...НЪ-БЕРГА.

Книга имѣетъ цѣлью: разъяснить вопросъ о появившейся недавно, такъ называемой, тройной системѣ счетоводства. Проведя въ ней параллель между общепринятой двойною и новоизобрѣтенною системами, авторъ разсматриваетъ одну и другую съ точки зрѣнія бухгалтера-прак-

тика и приходитъ къ несомнѣннымъ выводамъ, что первая, т. е. двойная во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ требованіямъ современнаго развитія торговли и промышленности, что о мнимыхъ недостаткахъ ея могутъ разсуждать только люди, изучившіе бухгалтерію поверхностно и никогда серьезно ею не занимавшіеся на практикѣ и что новопредложенная система, не смотря на всѣ увѣренія и божбы почтеннаго изобрѣтателя ея, рѣшительно не примѣнима къ торговымъ дѣламъ, по отсутствію въ ней элементовъ, необходимыхъ для достиженія точныхъ и ясныхъ результатовъ.

ЦѢНА 1 РУБ. СЕР.

Иногородные, выписывающіе книгу отъ автора (Владимірскій просп., д. Лихачева, кв. № 10) за пересылку не платятъ, а книгопродавцы пользуются обычной уступкой.

Я съ своей стороны совѣтую читателямъ заглянуть въ эту книгу, чтобы убѣдиться, что въ ней нѣтъ ни одной здравой мысли, ни одного возраженія ни противъ тройной системы, которой г. Бергъ и не понимаетъ, ни противъ ея изобрѣтателя. Самъ г. Бергъ этого мнѣнія о своей книгѣ и говоритъ на стр. 87 и 88:

«Если это правда, какъ французы говорятъ: le style c'est l'homme, то читатель имѣетъ нѣкоторыя основанія упрекнуть меня (Берга) въ томъ, что я слишкомъ легко отнесся къ серьезному труду г. Езерскаго и не былъ строго послѣдовательнымъ въ оцѣнкѣ его произведенія. Не отрицаю ни одного, ни другаго».

И такъ самъ г. Бергъ не отрицаетъ ни того, что онъ *слишкомъ легко* отнесся къ *серьезному труду*, ни непослѣдовательности въ своей оцѣнкѣ его.

Почему же г. Бергъ въ объявленіяхъ расхваливаетъ самъ свою книгу и обѣщаетъ читателю то, чего въ ней вовсе не заключается!

IV.

Объявленіе изъ той же газеты „Новое время“ 15 сентября 1876 г. № 197.

ИЗОБРѢТАТЕЛЯ ТРОЙНОЙ СИСТЕМЫ СЧЕТОВОДСТВА

Ѳ. В. ЕЗЕРСКАГО

покорнѣйше просятъ въ публикаціяхъ о своихъ лекціяхъ, устраиваемыхъ имъ для разъясненія его тройной системы и отъискиванія различныхъ погрѣшностей двойной, **предупреждать** своихъ слушателей, что они обязаны только **слушать**, отнюдь не смѣя требовать какихъ-либо объясненій, или оспаривать непогрѣшимость, дѣлаемыхъ имъ, г. Езерскимъ, выводовъ. Отсутствіе этого условія можетъ привести къ непріятнымъ столкновеніямъ, какъ это имѣло мѣсто на лекціи 9 сентября.

Нѣсколько счетоводовъ, имѣвшихъ несчастіе попасть на лекцію г. Езерскаго.

Примѣчаніе.

Въ этомъ объявленіи скрыты фамиліи. Для ясности необходимо сказать, что лекцію 9 сентября посѣтилъ г. Вульфъ, содержатель перваго бухгалтерскаго кабинета, дѣйствительно перебивавшій лектора во время чтенія лекціи.

Я предложилъ г. Вульфу разъяснить цѣль, съ какою онъ посѣтилъ мою лекцію 9 сентября, обѣщая напечатать это разъясненіе въ настоящемъ второмъ выпускѣ сборника «Бесѣды»; но г. Вульфъ отказался сдѣлать разъясненіе. Для полноты курьеза привожу свое объявленіе, напечанное до 9 сентября, именно 29 августа № 180, изъ котораго читатель замѣтитъ, что у меня назначены *особые дни для лекцій* (пунктъ 1), и *особые* (по суббо-

тамъ), *для преній* — «счетоводныя бесѣды» (пунктъ 4). Г. Вульфъ посѣтилъ *лекцію*, а не пренія. Чего г.г. защитники двойной системы желаютъ, непонятно.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ЛЕКЦІЯХЪ И ПРЕНІЯХЪ.

РУССКАЯ ТРОЙНАЯ СИСТЕМА СЧЕТОВОДСТВА.

1) **ЛЕКЦІИ Ѳ. В. Езерскаго** о русской тройной системѣ, въ сравненіи ея съ системами: двойною, простою, англійскою и другими, читаются въ «Фирмѣ Счетоводъ», Литейный проспектъ, № 33, по вторникамъ; цѣна за одну лекцію 2 р., за три—5 р. Начало въ $7^1/_2$ час. вечера.

2) **Подготовленіе желающихъ на мѣста счетоводовъ** путемъ практическихъ занятій съ ними въ той же «Фирмѣ Счетоводъ».

Рекомендація подготовленныхъ счетоводовъ хозяевамъ на постоянныя мѣста и для временныхъ занятій съ ручательствомъ за **успѣшное введеніе русской тройной системы.**

4) **СЧЕТОВОДНЫЯ БЕСѢДЫ** будутъ происходить въ «Фирмѣ Счетоводъ», по примѣру прошлаго года, чрезъ одну или двѣ субботы, смотря по желанію лицъ, принимающихъ въ нихъ участіе. Цѣль бесѣдъ прежняя — **вести пренія** и обсуждать разные счетоводные вопросы.

5) **Совѣты, консультація и экспертиза** по счетоводству.

6) **Изданіе сборника „Бесѣды торговаго и счетоводнаго міра“**, и т. д.

Адресоваться: **«Фирмѣ Счетоводъ», С Петербургъ, Литейная, № 33.**

V.

Объявленіе изъ той же газеты „Новое время" отъ 26 сентября 1876 г. № 208.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
ИЗОБРѢТАТЕЛЮ ТРОЙНОЙ СИСТЕМЫ СЧЕТОВОДСТВА
Г-НУ Ѳ. В. ЕЗЕРСКОМУ.

«Милостивый государь!

«Въ объявленіи вашемъ, помѣщенномъ въ № 263 (отъ 23 сентября сего года) «Голоса», вы назначили рядъ отдѣльныхъ лекцій, на которыхъ предполагаете указать случаи возможности утаекъ, обмановъ и ошибокъ въ вѣрныхъ балансахъ двойной системы счетоводства, заявляя при томъ, что слушатели ваши **могутъ обращаться къ вамъ за всевозможными объясненіями и ВСТУПАТЬ СЪ ВАМИ ВЪ ПРЕНІЯ**.

«Желая присоединиться къ числу вашихъ слушателей, а именно такихъ, которые путемъ преній съ вами хотѣли бы разъяснить вамъ, что взглядъ вашъ на двойную систему ложенъ, и что при **умѣніи** вести книги по двойной системѣ, всякаго рода ошибки и описки легко обнаруживаются, — нахожу однакожъ стѣснительнымъ слѣдовать вашему приглашенію, а именно потому, что мѣстомъ «**ПРЕНІЙ**» назначена вами собственная ваша квартира. Судите же сами: каково будетъ положеніе человѣка, находящагося у васъ въ гостяхъ, подъ вашимъ кровомъ и обличающаго васъ въ незнаніи предмета, на который нападаете, или въ умышленномъ искаженіи его? Вѣдь очень неловкое. Припомните, какъ вы сами гласно и печатно высказывали неразъ тоже самое мнѣніе во время дѣлаемыхъ вамъ приглашеній на пренія. По этому рѣшаюсь

покорнѣйше просить васъ распорядиться выборомъ другого, болѣе нейтральнаго мѣста для вашихъ (конечно **этихъ** только) лекцій, и я не премину къ назначенному вами времени явиться къ вашимъ услугамъ.

«Смѣю надѣяться, что вы исполните настоящую справедливую просьбу мою, и тѣмъ самымъ докажете, что упомянутое заявленіе ваше о допущеніи **ПРЕНІЙ** не есть одинъ изъ многочисленныхъ фокусовъ, такъ искусно пускаемыхъ вами въ ходъ съ цѣлью пропаганды вашей **„неоцѣнимой и неоцѣненной“** тройной системы.

«Примите увѣреніе въ тѣхъ чувствахъ, какія могу питать для васъ. Вашъ покорнѣйшій слуга,

Одинъ изъ многихъ»,

P. S. На всякій случай мой адресъ имѣется для васъ въ конторѣ редакціи «Новаго времени».

VI.

Объявленіе изъ той же газеты „Новое время“ 30 ноября 1876 г. № 263.

На дняхъ выйдетъ въ свѣтъ 2-й выпускъ извѣстнаго сборника издаваемаго подъ редакціею Ѳ. ЕЗЕРСКАГО:

„БЕСѢДЫ ТОРГОВАГО И СЧЕТОВОДНАГО МІРА“

Въ этомъ выпускѣ читатель найдетъ нѣсколько замѣчательныхъ статей **СЕРЬЕЗНАГО** содержанія, изъ коихъ въ особенности и обращаемъ вниманіе на слѣдующія: 1) Обрѣзанный бухгалтерскій носъ, разсказъ А. и К°. 2) Счетоводный спиритизмъ или кисло-сладкая яичница, критическій этюдъ. 3) Шутъ гороховый или тройная система на изнанку. 4) Бухгалтерскій геморрой, стихотвореніе самого Езерскаго на мотивъ Мадамъ Анго и пр. Подробности объ этомъ замѣчательномъ сборникѣ помѣ-

щены были въ объявленіяхъ № 310 «Голоса» и № 256 «Новаго времени».

VII.

Замѣтки изъ журнала „Стрекоза“ отъ 9 сентября 1876 г. № 41.

II. Нашъ извѣстный книговодъ и счетоносъ, изобрѣтатель семерной бухгалтеріи, г. Езерскій, собирается (?!) издавать особый, посвященный его спеціальности, журналъ «Бесѣды торговаго и счетоводнаго міра». Въ этомъ бы еще не было ничего ужасающаго. Но въ объявленіи своемъ г. Езерскій прельщаетъ тѣмъ, что въ составъ его сборника будутъ входить «статьи, имѣющія цѣлью обсужденіе современнаго положенія счетоводства и доставленіе *легкаго* (!!) и серьезнаго чтенія».

«Легкое чтеніе» въ счетоводномъ жанрѣ—что можетъ быть прелестнѣе этого абсурда!

VIII.

Замѣтки изъ того же журнала „Стрекоза“ отъ 15 октября 1876 г. № 46.

ВСЯКІЯ «ЗЛОВЫ ДНЯ».

Весь плѣшивый и геморроидальный бухгалтерскій міръ не на шутку взволнованъ.

Великая и жгучая борьба новыхъ Монтекки и Капулетти, гг. Езерскаго и Рейнбота, двухъ основныхъ столбовъ двухъ разныхъ бухгалтерій, близится къ развязкѣ и должна кончиться торжественною побѣдою одной стороны и памятнымъ разбитіемъ на голову другой.

Нужно вамъ знать, что г. Езерскій, этотъ Колумбъ и Гегель счетоводства, родилъ въ нѣдрахъ своихъ, такъ

называемую, *тройную бухгалтерію* и съ дѣвственною скромностію возмнилъ, что имъ найдена та именно точка опоры для земнаго шара, о которой мечталъ еще Архимедъ. Если бы нашелся такой комикъ, который безусловно увѣровалъ бы во всѣ пламенныя и краснорѣчивыя воззванія г. Езерскаго о неисчислимыхъ чудесахъ и волшебствахъ, производимыхъ его системою, то этому высокому комику пришлось бы признать, что тройная бухгалтерія не только не допускаетъ въ счетоводствѣ ни сучка, ни задоринки, но еще, при помощи особыхъ приспособленій, хватаетъ за ногу каждаго проврвавшагося или ошибшагося бухгалтера, приковываетъ его къ стулу, звонитъ въ набатъ, призываетъ судебную власть, предаетъ ей въ руки виновнаго и, въ заключеніе, исполняетъ еще на музыкальныхъ табакеркахъ, искусно вдѣланныхъ въ переплеты кассовыхъ книгъ, «маршъ Езерскаго», на мотивъ персидскаго.

БЕСѢДЫ ТОРГОВАГО И СЧЕТОВОДНАГО МІРА.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ, ИЗДАНІЯ И РЕДАКЦІИ ѲЕДОРА ЕЗЕРСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ВЫПУСКА.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ I И II ВЫПУСКАМЪ.

Книга: *Обманы, утайки и ошибки*, скрывающіеся въ вѣрныхъ балансах двойной-итальянской системы счетоводства и открываемые признаками вѣрности русской-тройной системы, предлагаемой *Өедоромъ Езерскимъ* Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р., въ переплетѣ 3 р. 50 к.; пересылк за 2 ф.

Карта для нагляднаго изученія счетоводства. Составилъ *Өедоръ Езерскій* Цѣна въ отдѣльной продажѣ: на бѣлой плотной бумагѣ 50 к.; пересылка навернутая на палку 1 р., а сложеная за 2 ф.; на полубѣлой бумагѣ 20 к., пересылка подъ бандеролью 6 к

Брошюра: Рѣшеніе тройною системою счетоводныхъ задачъ, предложенныхъ защитниками двойной системы какъ нерезрѣшимыхъ. Цѣна 20 к съ пересылкою подъ бандеролью 26 к.